

Экстренный номер

Автор:

Мэри Чой

Экстренный номер

Мэри Х.К. Чой

TrendLove

Пенни чувствует себя чужой и дома, и в школе: они с мамой давно отдалились друг от друга, а одноклассники никогда не отличались дружелюбием. Но школа наконец окончена, и Пенни ждет колледж, где она собирается изучать писательское мастерство. Отъезд из дома, новые знакомства и возможность заниматься любимым делом – что принесут ей эти перемены?

Сэм переживает тяжелый этап в жизни: у него финансовые трудности, его бросила девушка и он как никогда далек от своей мечты – стать известным режиссером. Но когда его бывшая присылает ему эсэмэску и предлагает встретиться, он даже не представляет, что все гораздо хуже, чем ему кажется.

Обменявшись номерами при странных обстоятельствах, Пенни и Сэм начинают делиться друг с другом своими тревогами и мечтами онлайн. Смогут ли они выйти из зоны комфорта и превратить виртуальные отношения в реальные?

Мэри Чой

Экстренный номер

Mary H. K. Choi

Emergency Contact

© 2018 by Mary H. K. Choi

© О. Бурмакова, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Маме

Пенни

– Скажи-ка мне, Пенни...

Пенни знала, что вопрос Мэдисон Чендлер, каким бы он ни был, ей не понравится. Мэдисон придвинулась ближе, на губах улыбка, глазки-бусинки сощурены. Пенни затаила дыхание.

– Почему твоя мать такая шлюха?

Высокая девочка выразительно указала взглядом на маму Пенни, которая болтала с отцом Мэдисон в нескольких футах от них.

У Пенни в ушах застучала кровь.

Возможные реакции на то, что Мэдисон Чендлер назвала твою мать шлюхой:

1. Врезать ей по лицу.
2. Врезать ее мерзкому гориллоподобному извращенцу папаше.
3. Не делать ничего. Выплакать свою ярость позже, слушая группу The Smiths за закрытыми дверями своей спальни. Ты пацифистка с чувством собственного достоинства. Намасте.
4. Дать волю пирокинетическим способностям, дарованным тебе от рождения, и выжечь торговый центр с силой триллиона солнц.

Пенни вгляделась в голубые с зелеными крапинками глаза ее противницы. Почему это должно было случиться именно сейчас? И именно в магазине Apple? Он был островком безопасности, тихой гаванью. Пенни почти оставила этот душный город за спиной. Уже совсем скоро...

– Я задала тебе вопрос. – Мэдисон цыкнула зубом. Она носила прозрачные скобки, которые никого не обманывали.

Дать ей по лицу имело бы такой целительный эффект.

– Эй! Есть кто дома?

Такой целительный. Но, господи, кому Пенни врала? Она выбрала третий вариант, как всегда. На данном этапе игры не имело смысла геройствовать, особенно при росте сто шестьдесят сантиметров, с «миленьким» правым хуком и заторможенной реакцией. Неважно, через четыре дня Пенни уедет в колледж, и мнения этих знаменитостей супермелкого местного масштаба потеряют значение.

Стоило Мэдисон отодвинуться, чтобы просверлить ее взглядом с другого, предположительно более грозного угла, как возле Пенни материализовался приставленный к ней джинн Apple. Спасена богом из яблока. Пенни вцепилась в гладкую коробку с отблеском надежд; в руках она ощущалась дорогой и тяжелой.

Пенни бросила взгляд на витрину с ноутбуками, около которой папочка Мэдди, как он представился (брр), с ухмылкой нависал над матерью Пенни, Селестой. Пенни вздохнула. Она вела осадную кампанию за покупку нового телефона с самого Рождества, а теперь все шло не по плану. Пенни надеялась на бо?льшую помпезность или хотя бы на помощь в выборе чехла.

- Ну правда, почему твоя мать одета как гейша-проститутка?

Пусть Мэдисон Чендлер получила сумочку от «Шанель» (не новую) в четырнадцать и «джип ранглер» в шестнадцать, но Пенни встречались сэндвичи умнее этой девицы. Во-первых, гейши не были проститутками. Думать так - типичная ошибка нелюбознательных невежд. Некоторые гейши очаровывали клиентов танцами и искусной беседой, как в романе «Мемуары гейши», который Пенни обожала, пока не узнала, что его написал какой-то белый мужик. Во-вторых, как мог бы сказать любой человек даже с элементарной способностью наблюдать, кимоно прекрасно скрывало женскую фигуру. В этом оно походило на паранджу, только что не прятало лицо и волосы.

И все равно Пенни хотелось бы, уже в который раз, чтобы ее мать перестала носить короткие топы, особенно с леггинсами. На самой Пенни было, конечно же, ее обычное бесформенное черное одеяние, идеальное, чтобы оставаться никем не замеченной в любое время дня и ночи.

- Мы корейнки, - прошептала Пенни.

У Мэдисон дернулась губа от недоумения, как будто ей сообщили, что Африка - это не страна.

- А гейши - японки.

«Если ты расистка, может, стоит постараться быть менее невежественной. Хотя, возможно, это будет противоречием...»

Мистер Чендлер разразился хохотом в ответ на что-то, сказанное Селестой, которая, к слову, при всей своей красоте не отличалась особым остроумием.

- Папочка, - заняла Мэдисон, направляясь к нему.

«Папочка? Брр».

Пенни могла бы поспорить, что в той семье чмокались в губы.

Она тоже подошла к маме.

– Если захотите, можете зайти в мой офис, и я взгляну на ваше портфолио, – продолжил мистер Чендлер. Он возвышался почти на два метра, и Пенни были видны волосы у него в носу. – Как я говорю всем моим клиентам, ранняя пташка получает пенсионного червячка, особенно при опустевшем гнезде. – Он кивнул на Пенни и отрепетированным движением похлопал себя по карманам. – Черт возьми, у меня нет при себе визитки, но если хотите... – Мистер Чендлер протянул Селесте свой телефон и с улыбкой во все зубы изобразил набор номера.

Пора было это прекращать.

– Мам, – Пенни схватила мать за запястье, – нам пора идти.

* * *

То, как мама Пенни вела себя перед мистером Чендлером с его блестящим обручальным кольцом и ярко-розовой рубашкой поло, выводило ее из себя. Селеста и мужчины – все как всегда. Можно было предположить, что она сделает перерыв и обратит внимание на свою единственную дочь, которая через неделю уезжает в колледж; но нет, она была слишком занята тем, что хлопала наращенными ресницами перед скользким типом с искусственным загаром.

В машине Селеста поправила грудь под серым в полоску топом и застегнула ремень безопасности. Иметь в качестве матери привлекательную женщину было ужасно. Селеста выехала с парковки; сгущалось тяжелое молчание.

На шоссе японская кошка, прикрепленная к приборной доске, задрезжала. Пенни не сводила с нее глаз. Кошка была размером с булочку, с отдельной головой на пружине и пустыми мультяшными глазами. Она появилась недавно и сместила с трона пластиковую Hello Kitty, у которой лицо выгорело от солнца.

Селеста украшала аксессуарами все. Это было патологическое желание. Напоминало Пенни богатеньких сучек, которых называли «супер шесть»: Мэдди, Рейчел Дюма, Элли Рид и еще три садистки с идеальными укладками, – носивших тонны колец и браслетов и каждую неделю красовавшихся с новенькими чехлами для телефонов. Когда они шли по школе, их было слышно издали: бречащее барахло, подвешенное на сумки, звенело на весь коридор.

К ее печали, если бы Селеста училась в школе «Раньер Хай», то, наверное, дружила бы с ними.

Пенни мечтала о своей компании. Она обменивалась приветствиями со многими учениками, но ее лучшая школьная подруга, Энджи Салазар, перевелась перед одиннадцатым классом в «Сожорнер Трут Хай», оставив Пенни без социальных связей. Если бы ниже полной невидимости существовал еще один уровень, куда вел бы люк в полу, Пенни бы туда провалилась. Социальное положение у нее отсутствовало.

Кошка продолжала дребезжать. Если она и дальше так продолжит, то развалится еще до того, как они выберутся на трассу. Выживает сильнейшая безделушка. Хрупким животным не следует украшать собой быстрые машины. И уж точно не быструю машину, управляемую мамой Пенни, у которой не было права управлять никем во всем огромном...

– Почему ты это делаешь? – взорвалась Пенни.

Ей хотелось пробить дыру в окне, вышвырнуть кошку и, возможно, выброситься за ней. Этот день должен был пройти совсем иначе. Пенни позволила себе предвкушать его неделями. Ее мама взяла половину выходного дня на работе, и Пенни ранило, что Селеста бросила ее, как только увидела Чендлеров. Не то чтобы Пенни призналась, что это ее действительно задело. У жалких отщепенцев тоже есть правила.

– Что именно? – закатила глаза Селеста.

Этот подростковый жест в исполнении матери разозлил Пенни еще больше. Ей хотелось трясти Селесту, пока у нее пломбы не выпадут.

– Почему ты все время со всеми флиртуешь? – Селеста была воплощением боа из перьев или глиттера, только человеком и мамой. – Это уже надоело, знаешь ли.

– О ком ты?

– Ты прекрасно знаешь, о ком...

– О Мэтте Чендлере?

– Да, о мерзком и противном папочке Мэдди, который, между прочим, женат!

– Я знаю, что он женат, – фыркнула Селеста. – Кто с кем флиртовал? Я всего лишь вела себя вежливо, и ты бы не умерла от этого. Все это: закатывание глаз и хмурое лицо... Ты хоть знаешь, как мне неудобно?

– Неудобно? Тебе? Из-за меня? – взвилась Пенни. – Ничего себе. – Она недовольно сложила руки на груди. – Мама, он к тебе приставал, а ты вся расточала улыбочки, это жалко...

Кошка загремела, словно кивая.

– Как он ко мне приставал? Тем, что хотел дать совет по инвестициям?

Пенни поверить не могла, насколько тупой могла быть ее мать. Всем было очевидно, что Мэтт хотел дать ей куда больше, чем совет по инвестициям. Господи, даже Мэдисон поняла, что к чему.

– Как ты можешь быть такой глупой?

Селеста открыла и закрыла рот. Ее лицо исказилось гримасой боли. Даже завитки волос на голове как будто поникли.

Пенни никогда раньше не грубила матери так прямо и намеренно. Она пожалела о своих словах, как только произнесла их. Хотя Селеста не была глупой, она часто казалась легкомысленной. Она руководила региональным отделением международного агентства по организации мероприятий, разговаривала хэштегами и одевалась так, словно собиралась на концерт молодежной поп-

группы. Она просто была так устроена.

Пенни все время вела вокруг нее оборону. Соседские мужчины кружили около Селесты как акулы, всегда удачно оказываясь под боком, чтобы помочь снять что-нибудь с высоких полок в супермаркете или дать непрошенный совет и объяснение на любую тему. От того, как они задерживались у машины Селесты, с блестящими, как семечки, глазами, словно чего-то ждали, у Пенни шли мурашки. То, что Селеста держалась неизменно дружелюбно, не помогало.

Всего один пример. На прошлый день Святого Валентина мистер Хемпфилл, их древний почтальон, вручил Селесте крохотную коробочку дешевого шоколада. Она была размером с мышиный гробик, с четырьмя окислившимися конфетками внутри, и он не переставал поминать вьетнамскую войну, словно у них с мамой было что-то общее. Было совершенно очевидно, что он хотел втереться к ним в доверие, но, по мнению Пенни, никто в своем уме не захотел бы, чтобы такой человек знал, где ты живешь. Селеста ее не слушала.

Пенни уставилась в окно. Ссоры с матерью уже давно стали обычным делом. Но теперь, когда Пенни уезжает, Селесте придется научиться лучше ориентироваться в мире. Для начала – держаться подальше от нераскаявшихся подонков.

Пенни страшно утомилась. Устала волноваться за Селесту, обижаться на нее. Пролетающие за окном рестораны фаст-фуда и заправки слились перед ее глазами. Она промокнула горячую слезу рукавом, чтобы мама не заметила.

* * *

Позже в тот же день к ним заглянул парень Пенни. Нет, она никогда не называла Марка вслух своим парнем. Скорее, он служил временной заменой Энджи, защитой от полной изоляции, хотя относиться так к ситуации совершенно ужасно. Тем более что с практической точки зрения Марк был ей не ровня. По крайней мере, физически. Это, конечно, не все, но в старшей школе может быть всем.

Пенни почти не могла поверить, что они встречаются. Когда Марк впервые проявил к ней интерес, Пенни решила, что с ним что-то не так или он над ней

издевается. Когда оказалось, что дело не в этом, ее подозрения только усилились. Пенни прекрасно осознавала, как выглядит: точно так же, как в первом классе. Маленькие глаза, нос картошкой и огромные губы, про которые мама говорила, что она до них дорастет, но так и не доросла. То, что они с Марком вместе, вызывало вопросы.

Не помогало и то, что, как усвоила Пенни, отношения в действительности зачастую оказываются полной противоположностью тому, как они называются. У тебя может быть больше сотни друзей в социальных сетях и все равно будет не с кем поговорить. Взять, например, Энджи (Брут-предатель) – она называла Пенни лучшей подругой, а потом скрылась с горизонта. Пусть Марк называл Пенни «крошка», хотя она терпеть не могла это словечко, но пиццу он тоже называл «крошка», более того – «охрененно аппетитная крошка». В этом-то и состояла загвоздка: они оба любили пиццу больше, чем друг друга.

– Ну что, ты их получила?

Пенни отчаянно хотела, чтобы это было не так.

Она понимала: отчасти ее прохладное отношение к Марку вызвано тем, что именно такого парня выбрала бы для нее Селеста. Еще бы: темный блондин и черты лица хорошего мальчика, как у модели «Холлистера»[1 - «Холлистер» – бренд молодежной одежды.]. Не для уличного плаката, а для групповой съемки в каталоге. В первом ряду, потому что он небольшого роста.

А еще Марк был на год младше – дополнительное неудобство, когда вы вроде бы встречаетесь (не по-настоящему, но почти), потому что перерыв на ланч не совпадает по времени. Его компания считалась популярной, поскольку в нее входили относительно известные футболисты, хотя остальные и вылетели из команды. Марк часто курил марихуану, и мозги у него были как решето. Он забывал даже милые детали, которые стали бы хорошими шутками для них двоих: например, как автозамена на его телефоне изменяла «черт» на «торт»; так что, когда Пенни послала ему смайлик с тортом в качестве ругательства, он просто решил, что она хочет есть.

Марк не отступал.

Пенни первая моргнула.

– Хочешь перекусить?

Пенни открыла холодильник, достала кувшин со сладким чаем и налила им обоим по стакану. Чай со льдом – единственное, что Селеста умела «готовить».

Пенни вспомнила первый день, когда Марк заговорил с ней, после пятого урока. В некотором смысле с ним действительно было что-то не так. Все знали, что у него «желтая лихорадка»[2 - «Желтая лихорадка» – шуточный термин, которым обозначают влечение людей европейской расы к азиатам.]. Его прошлой девушкой была потрясающая вьетнамка Одри, отца которой перевели в Германию с подразделением ВВС, а в средних классах Марк какое-то время встречался с Эмили, наполовину тайком.

– Ну что? – От Марка было не отвертеться. – Ты все получила? – Он обаятельно улыбнулся. Пенни так резко поднесла чай ко рту, что стукнула стаканом по зубам.

– Детка, – сказал он. Пенни ненавидела «детку» почти так же сильно, как «крошку», в качестве обращения к взрослой женщине. Это так же банально, как сексуально одеваться на Хеллоуин.

Марк сел на табурет с другой стороны кухонного стола и манящим жестом пригласил ее подойти. Волосы падали ему на правый глаз.

Господи, какой он красивый.

Марк распахнул руки, и Пенни вошла в его объятия.

– Нам пора привыкать так общаться, – прошептал Марк, щекоча ее ухо дыханием. – Мы оба терпеть не можем говорить по телефону, и ты сама знаешь эту поговорку. – Он сделал драматическую паузу и продолжил вопреки надеждам Пенни: – Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Ух ты.

Пенни положила подбородок ему на плечо. На нее пахло плесенью. Это в некотором смысле успокаивало. От Марка часто так пахло, словно он давно не

стирал одежду. Она взвесила свои варианты.

Возможные способы отвлечь парня, который склонен отвлекаться:

1. Порвать с ним. Отношения на расстоянии, основанные на катастрофических масштабах «никак», выедают душу.
2. Заняться с ним сексом, чтобы сменить тему разговора.
3. Расплакаться и ничего не объяснять.

– Да, получила, – вздохнула Пенни и добавила: – Спасибо. – Она старалась, чтобы прозвучало искренне.

Технически то, что она получила, представляло собой фотографии нагишом. Пенни вспомнила два кружочка пепперони, которые представляли собой соски ее бойфренда, и внутренне содрогнулась. Марк счел, что секстинг – подходящий и веселый способ опробовать новый телефон в деле. Пенни придерживалась прямо противоположной точки зрения.

Слава богу, это не были снимки в полный рост. Марку только шестнадцать, и Пенни не нужно было, чтобы в ее общежитие врывалось ФБР в поисках детской порнографии. Но снимки были рискованными, каждый опускался чуть ниже дьявольской дорожки, с несколькими фильтрами. Пенни была уверена, что он даже подкорректировал как минимум одно фото в Facetune, – качество, которое она не могла уважать в мужчине. Она знала, что правильным, спортивным ответом были бы такие же фото. Грудь (с намеком на верхний край сосков) будет достаточно. Но она не хотела, совсем. Она хотела только удалить его фотографии, притвориться, что ничего этого никогда не случилось, и уехать.

И тогда она будет свободна. По крайней мере, технически. Ограничение на последующие снимки с обнаженным телом наверняка не могло бы простираться за пределы города. А если и нет, то Пенни стоило подумать о том, чтобы уехать из штата.

Сэм

Сэму нравилась его необычная дорога на работу. Один лестничный пролет и ярдов девять коридора. С одной стороны, он мог рассчитывать на полное отсутствие пробок. С другой – ему казалось, что он все время на работе. «Дом Кофе», где он работал менеджером, был известным заведением в Остине. Он представлял собой маленький серый дом с остроконечной крышей и изогнутым вокруг фасада крыльцом, на котором висели большие белые качели. Лучше всего его описывало слово «уютный»; в кафе на первом этаже были скрипучие деревянные полы, большие окна, встроенные книжные шкафы и потрепанные диваны с разномастными стульями.

Наверху располагались четыре комнаты и две ванных; все это напоминало обиталище сумасшедшего барахольщика. Когда Сэм только поселился здесь, искал по углам потерянные сокровища, которые принесли бы ему состояние на аукционе. Его находки оказались не столько из разряда «В погоне за антиквариатом»[3 - «В погоне за антиквариатом» (Antiques Roadshow) – телепередача про оценку и продажу антикварных редкостей.], сколько из тех телепередач, где после смерти братьев-близнецов, которых засыпало лавиной видеокассет, в доме находят марки на сорок шесть долларов и тысячи пустых консервных банок Chef Boyardee, по изменениям ярлыков на которых можно отслеживать ход времени. Во всех комнатах, кроме одной, громоздились коробки с папками, книгами, одеждой и всякой всячиной, которая не помещалась в доме Эла Петридиса, владельца кафе. В самой маленькой комнате, дальше всего от лестницы, на полу лежал матрас.

На нем и спал Сэм.

Как сирота, каковым он в действительности не являлся, хотя разницы не было никакой.

Лежа в постели, Сэм собирался с мыслями. На улице все еще темно. Еще одна бессонная ночь обещала еще один мрачный день, который он будет проживать словно под водой.

Он бросил взгляд на свой разбитый айфон: 4.43. Сэм лег спать около двух. Он помнил времена, когда его невозможно было вытолкать из кровати до полудня. Славное было времечко.

БРР.

По крайней мере, существовал кофе. Безотказный, восхитительный, возвращающий к жизни кофе. Он спустился вниз.

Через час аромат только что смолотого кофе смешивался с запахом углеводов, жарящихся в масле.

– Господи, Сэмми, пончики? – Эл Петридис, босс Сэма и домовладелец, навис над парнем.

Эл, огромный грек с предплечьями, похожими на бочонки, был на голову выше и на шестьдесят килограммов тяжелее. Он немного напоминал Сэму Донки Конг[4 - Донки Конг - персонаж видеоигры, горилла.], но такое другим людям вслух не говорят. Эл первым пробовал все печеные творения Сэма. И его массивный благодетель неизменно называл это «пробовать». Даже если он уже в тысячный раз ел маффин, то все равно говорил: «Сэмми, можно мне попробовать маффин?». Как будто не знал в точности, каким будет вкус, или была хоть доля сомнений, что он не захочет съесть его целиком.

Спойлер: Эл всегда хотел маффин.

Сэм не возражал. Эл не брал с него плату за жилье, ни единого цента, никогда. Более того, он платил Сэму несколько долларов сверх минимальной оплаты труда, и за это Сэм пек, готовил, убирал и выбривал круги на спине Эла, если тот просил.

– Что там внутри, орехи? – Эл ткнул мясистым пальцем в печенье, только что покрытое глазурью.

С самого детства Сэму нравилось готовить и печь, создавая все более сложные блюда, заменяя ингредиенты по необходимости – а она возникала часто, поскольку мама редко покупала продукты, а он много времени проводил один. В

двенадцать лет он обнаружил, что можно сделать довольно убедительную имитацию тайской кухни с помощью арахисового масла и сальсы из банки. По крайней мере, по меркам мальчишки из Техаса немецкого происхождения, который никогда не пробовал настоящей тайской еды.

Эл предоставил Сэму полную свободу в кухне больше года назад, с того дня, как Сэм молча вручил боссу ко дню рождения его жены лимонный бисквит (ее любимый) с приклеенным листком с надписью «Для миссис Петридис». Она объявила, что лучшего бисквита в жизни не пробовала, и хотя Эл знал, что не стоит раздувать из мухи слона, его лучшая половина продолжала передавать Сэму брошюры кулинарной школы. На день рождения Сэма они купили ему небольшую стопку кулинарных книг в твердых обложках, и этот жест так растрогал его, что он неделю не мог смотреть Элу в глаза. Поддавшись уговорам Петридисов, Сэм получил разрешение на работу в общепите и теперь создавал еженедельное меню из сэндвичей, супов и салатов, а также выпечки. Он вставал в пять утра, чтобы подготовить кухню, а Финли, его лучший друг и правая рука по «Дому», темнокожий худощавый мексиканец с длинной хипстерской бородой и шотландским именем, приходил в восемь – стоять на кассе и обслуживать столики.

– Эти с фисташками, – сказал Сэм Элу. – А там ваниль и гибискус, эспрессо и соленый темный шоколад.

Рецепт Сэм нашел у кулинарной блогерши, которая утверждала, что женщины не могут отказаться от этих пончиков, и откровенно писала о своих экспериментах, подтверждавших это.

– Хочешь? – он как бы невзначай придвинул поднос к Элу.

– Да, попробую пончик. – Круглолицый Эл одним укусом проглотил половину. – М-м-м-схитительно, Сэмми! – промычал он с набитым ртом. Тень Эла нависла еще ближе, чтобы попробовать другие вкусы.

Не считая матери, Эл был единственным человеком, кому разрешалось называть его Сэмми.

Эл склонил голову.

– Скажи, Сэмми, ты в порядке?

Он также был единственным, кто регулярно интересовался его настроением.

Надо сказать, что у Сэма была особенность, которая выдавала состояние его духа, точнее, две черты. Они были неточными, но давали представление. Одна – это волосы. У него были шикарные волосы: темные, более длинные наверху. Его бывшая девушка – она теперь значилась в его телефоне как «Лгунья» – называла их «безответственными волосами».

Если они были просто заложены за уши, Сэм пребывал в расслабленном состоянии. Если зализаны назад, он готовился к бою. Если растрепаны – очень редкое событие – это значило, что он полностью доверяет тому, кто сейчас рядом с ним. Волосы Сэма уже давно не бывали растрепаны.

Сегодня волосы были зачесаны за уши, но в то же время как бы уложены, с выдающим его блеском средства для укладки. Как это понимать?

Те, кто внимательно наблюдал за Сэмом и особенно видел его в естественной среде, могли уточнить его настрой по второй черте. Счастье Сэма в некотором смысле было связано с его желанием печь. Если вы входили в «Дом» и на витрине лежали одинокий скон и унылое трио покупных дэнишей, лучше было держаться от Сэма подальше. И стоило обращаться с ним как с человеком, у которого вместо глаз короста, а на лбу вытатуированы огромные буквы «НЕ СЕГОДНЯ, САТАНА», – с осторожностью.

«Дом» покупал хлеб в Easy Tiger, но выпечкой обычно занимался Сэм. Если в витрине и на стойках красовались свежие хрустящие кексы к кофе, бисквиты с кремом или пудинги из карамелизованного бананового хлеба с глазурью из крем-сыра, это означало, что Сэм готов расцеловать вас на пороге, а вы получите удовольствие от его творений. Сэм был великолепным кондитером. Сегодня он соорудил дюжину пирогов, пончики и больше ничего – это могло означать что угодно.

– Да, Эл, все отлично. – Сэм аккуратно опустил самый большой кружок в плоское блюдо с глазурью из ванили и гибискуса и бережно отложил на сетку. Улыбка нервировала больше всего. Иногда Сэм казался немного не в себе в тех редких случаях, когда улыбался. Как будто его лицо отвыкло это делать. Но он и не

хмурился – это слишком многое выдавало. В большинстве случаев он просто смотрел сквозь вас.

– Ну ладно, – сказал Эл, бросив перед уходом взгляд на Сэма, просто чтобы убедиться.

Сэм окунул в глазурь еще один пончик. Руки у него были костлявые, с выпуклыми венами и быстро двигались. Такие руки, длинные, загорелые и покрытые татуировками, выглядели бы на своем месте у заключенного русской тюрьмы. У Сэма было много татуировок: по всей груди, спине и икрам.

Он стер капли глазури цвета яркой фуксии левой рукой, а правой продолжил покрывать ею три оставшихся пончика. Результаты его радовали.

Некоторые парни посчитали бы выпечку или умение нарисовать пикачу в пенке на капучино не совсем мужским занятием, но Сэм был не обычным парнем. Его не заботило то, как проводят время парни из братства[5 - Братство – студенческая организация для молодых людей в колледже.], с их манерой стучаться кулаками и подчеркнутой маскулинностью.

Пришел Фин и немедленно окинул взглядом сетку. На ней остывало шесть подносов с четырьмя безупречными пончиками на каждом.

– Это что, ограниченное издание? – спросил он. – Мы продадим всю эту фигню за час.

– Не-а, эти в меню не входят, – отозвался Сэм. – Я их делаю для одного человека.

Фин вдохнул сладкий пар от пончиков.

– Нельзя такое печь для девушек, с которыми только познакомился, Сэм. Не надо завышать их ожидания.

Сэм криво улыбнулся. Фин осторожно присмотрелся к нему.

– Чувак, – поник Фин, – пожалуйста, скажи мне, что ты не встречаешься снова с этой вруней. Не, я понимаю, – вскинул он руки, – она горячая штука, но когда

вы разбежались в прошлый раз, я не был уверен, что переживу это.

Сэм проигнорировал все упоминания о «величайшей любви в своей жизни».

– Сэм, ну в самом деле, тебе так долго было плохо, – сказал Фин. – У тебя пар из ушей валил, чувак.

– Пончики не для нее, – отрезал Сэм.

Фин повесил свой рюкзак, надел фартук и покосился на сетку с неудачными пончиками.

– Можно эти прикончить?

Сэм кивнул, и Фин проглотил неровный пончик в глазури одним махом.

– М-м-м, – сказал он, засовывая в рот половину второго. – Они для нее все равно слишком хороши.

Пенни

Наступил важный день. Пенни подумывала, не погрузить ли. Все должно быть горько-сладким, не так ли? Уезжать из дома в колледж – это «важное событие». Она поморгала, надеясь на влагу на глазах, но безуспешно. Все равно что пытаться чихнуть, когда не чихается, или чувствовать щекотку слишком глубоко под кожей. Колледж казался нереальным, теоретически недостижимым. Даже процесс подачи заявки как будто происходил с кем-то другим. Невозможно было представить, что за заполнением форм и написанием сочинений что-то последует. Она подала документы только в одно место – Университет Техаса в Остине – и была принята. По закону. Туда принимали всех из верхних десяти процентов студентов техасских школ.

Новый телефон Пенни чирикнул с кровати. Писал Марк.

Удачи, детка! Напиши мне, когда доберешься!

Пенни перевернулась на спину, улыбнулась и задумалась, что ответить. Экран под ее пальцами сиял так чудесно. Господи, ее телефон был прекрасен. Розовое золото в черном силиконовом чехле с надписью «Неважно, неважно, неважно» – пожалуй, самая классная вещь, которой она когда-либо владела.

Она стерла пятно от пальца футболкой. Этот телефон слишком красивый, чтобы осквернять его обнаженкой. Особенно с разрешением 2436 на 1125 пикселей при 458 ppi. Пенни отправила в ответ банальный смайлик.

Она спустилась вниз. В ее комнате на стенах ничего не было, но все остальные поверхности в доме Селесты, как и в ее машине или в офисе на работе, были покрыты памятными безделушками.

По мнению Пенни, ее мама не очень походила на маму, тем более на азиатскую маму. И не только потому, что одевалась как фэшн-блогер и была моложе остальных мам. Селеста не проверяла, сделала ли Пенни домашнее задание, и не заставляла ее заниматься фортепиано. Ладно, может быть, представление Пенни об азиатских мамах пришло из фильмов, но в ее жизни было мало азиатов, и особенно корейцев. Пенни носила корейское имя, но и оно было фальшивкой: Пенни (даже не Пенелопа), написанное фонетически корейскими иероглифами, так что на самом деле оно ничего не значило.

В трехлетнем возрасте она с мамой ездила навестить бабушку и дедушку в Сеуле, но тогда Пенни была очень маленькой, чтобы что-то запомнить, а больше они туда не ездили. Тем не менее Селеста обустроила у себя дома корейский уголок, словно алтарь. Там стояли флаг Кореи и заключенный в рамку плакат Олимпийских игр 1988 года с мультяшным тигром – символом Игр. Там же стояла маленькая ламинированная фотография поп-звезды Райна в белом костюме, сделанная еще до того, как он пошел на обязательную службу в армию. Когда Энджи впервые пришла к ним домой, то спросила, не ее ли брат на фото.

В их доме повсюду были расставлены снежные шары, Эйфелевы башни всех размеров, висели репродукции «всемирно известных картин» в рамках: две – «Звездной ночи» Ван Гога (одна из них – на кухонном полотенце), кувшинки

Моне и несколько размытых балерин Дега. Пенни называла это все «искусство для магнитов на холодильнике». Все, что вы видели столько раз, что могли бы представить, как закатывают глаза рабочие на фабрике в Китае, которым приходится все это штамповать.

Единственным сувениром, который Пенни ценила, была фотография ее родителей. Пенни бережно завернула рамку в футболку и уложила в рюкзак, чтобы взять с собой в колледж. У нее это было единственное их фото и, возможно, единственное существующее; для Пенни оно представлялось сокровищем и служило источником пятидесяти процентов материалов в ее досье на отца. В остальном досье включало следующие факты:

1. Отец и мать Пенни встретились в боулинг-клубе, в процессе свиданий с другими людьми.
2. У ее отца была очаровательная попка (по словам Селесты), потому что в школе он играл в бейсбол.
3. Они были неразлучны. Конечно, пока не разлучились.
4. Он тоже был корейцем!
5. Звали его Дэниэл Ли, и, насколько Пенни было известно, он жил не то в Орегоне, не то в Оклахоме. Хотя это мог быть и Огайо. В общем, где-то на «О».
6. В этих трех штатах в общей сложности жило 315 Дэниэлов Ли. Вероятно, сколько-то из них были белыми или чернокожими.

На фотографии родители Пенни сняты на пляже в Порт-Аранзасе. Они еще дети. Селеста с тех времен внешне не изменилась (азиаты не стареют), только лицо у нее тогда было круглее, губы и щеки – полнее. Они сидят на черно-желтом полотенце с эмблемой Бэтмена. У Дэниэла Ли на голове соломенная ковбойская шляпа, а рубашки нет. На Селесте бейсболка с надписью «Порнозвезда», ярко-красное бикини, ноги скрещены, в руке замороженный сок, и она, улыбающаяся, в огромных солнцезащитных очках в белой оправе. Селеста клянется, что на

замороженный сок ее потянуло из-за беременности, потому что обычно от синей малины ее тошнит. Пенни считает космической несправедливостью то, что у ее мамы такой плоский живот во время беременности; но несправедливо и то, что ее темноглазый отец сбежит из города за два месяца до рождения Пенни.

– Я никогда не встречала другого такого веселого парня, – сказала Селеста, когда Пенни развернула свой подарок на восьмой день рождения. – Он задавал самые лучшие вопросы.

Пенни тогда тоже задавала много вопросов – для домашнего задания по генеалогии. Она хотела знать все (что относилось к ней): спрашивал ли он о Пенни, завел ли он другую семью, чтобы она могла играть со сводными братьями и сестрами, когда она могла с ним увидеться. Но Пенни поняла, что Селеста не хотела говорить о нем. Ее мать замкнулась в себе и ушла в свою комнату, сославшись на головную боль. Так что Пенни спрятала все эти вопросы в дальний уголок своего разума и больше никогда не произносила их вслух. А фотографию хранила в ящике комода.

Внизу Селеста шмыгала носом в кухне, как делала и вчера, когда Пенни ушла спать. Пенни подозревала, что в слезах матери есть доля театральности. Как видеоблогеры на YouTube, которые всхлипывают во время тщательно отредактированных признаний, Селеста от всей души рыдала во время полуфиналов реалити-шоу с соревнованиями певцов и над всеми фильмами про животных. Пенни предпочла бы съесть фунт волос, чем выдать свои подлинные эмоции, не говоря уже о том, что она сомневалась, сможет ли остановиться, если начнет.

– Мам.

Селеста глянула на нее поверх скомканной в руке салфетки. Ее глаза припухли, словно она действительно всю ночь плакала.

– Привет, детка. – Она улыбнулась и тут же снова сморщилась. – Пожалуйста, можно я поеду с тобой? Я угощу тебя обедом, помогу украсить комнату.

– Я могу сама купить себе обед, – сказала Пенни. – К тому же тебе придется ехать за мной на своей машине и возвращаться обратно одной. А мне придется садиться в свою машину и ехать за тобой, чтобы убедиться, что ты добралась

домой. Порочный круг.

Селеста сглотнула.

– Знаешь, я не думала, что мне будет так больно, – она выглядела искренне удивленной. Ее узкие плечи задрожали, как у нервной чихуа-хуа.

Пенни вздохнула и обняла мать, думая, что будет скучать по ней.

«Черт, я что, сейчас расплачусь?»

Она зажмурилась крепче, выдавливая ответную влажность.

Не-а.

– Я так тобой горжусь, – отстранившись, сказала Селеста с отважной улыбкой.

Пенни посмотрела на нее. Селеста выглядела маленькой, даже тщедушной, и вялой. При предвечернем свете в джинсах и выцветшей футболке с надписью «жги, подруга» Селеста напоминала первокурсницу, такую же, как Пенни.

Жаль, что их отношения так испортились.

Когда Пенни ходила в начальную школу, они были близкими друзьями. Тогда Пенни не могла представить ничего лучше, чем кофе мокка с соленой карамелью из «Старбакса» на завтрак, и считала, что ей очень повезло: мама – ее лучшая подружка. Пенни позволялось не спать допоздна, краситься, одалживать у мамы одежду и красить волосы во все цвета радуги – жизнь была праздником, бесконечной вечеринкой.

В средней школе Пенни стала видеть все иначе. Она больше не писала маме по тысяче раз в день, прося оценить наряд или дать совет. Селеста и Пенни стали полными противоположностями. Селеста гордилась своей воспитанной, прилежной дочерью, учила ее подделывать свою подпись на письмах из школы и выдала собственную кредитку на случай «чрезвычайной модной ситуации». Селеста подтолкнула Пенни получить права досрочно, в пятнадцать, и не из-за необходимости, а потому что, по мнению Селесты, если дочь сможет возить

друзей на машине, это сделает ее популярнее. И чем больше старалась Селеста, тем больше отдалялась Пенни. Она обижалась на то, что в какой-то момент Селеста решила, что Пенни может сама себя воспитывать.

Пенни шла к машине; мама следовала за ней по пятам. Пенни обернулась, чтобы обнять ее одной рукой. Представляя себя работником службы контроля за животными, который ловит питона в однокомнатной квартире, она все время удерживала взгляд Селесты. А потом – без резких движений – ловко открыла дверь машины свободной рукой и скользнула внутрь.

Застегнув ремень безопасности, Пенни отъехала от дома на свободу. Отчасти она боялась ехать в колледж одна. В версии для «историй» в инстаграме отец грузил бы коробки с ее вещами в большой грузовик, они бы спорили, какую музыку включить по пути, и он уступил бы ей выбор, потому что будет очень по ней скучать. Уезжая, он бы прослезился, вручил ей пятьдесят долларов, бормоча что-то про хорошо проведенное время, и Пенни знала бы в глубине души, как сильно он ее любит.

– Я люблю тебя, малышка! – всхлипнула Селеста, вырвав Пенни из ее мыслей. Пенни опустила окно.

– Я тоже тебя люблю, мамочка. Я позвоню тебе позже, обещаю.

На этот раз у Пенни что-то дрогнуло внутри. В носу защипало, как от хлорки – так бывает, когда вот-вот расплачешься. Она посмотрела в зеркало заднего вида, где ее и без того маленькая мама уменьшалась, но махала все сильнее.

* * *

Через полтора часа Пенни въехала на изогнутую подъездную дорогу перед общежитием «Кинкейд».

– Господи, – прошептала она, вцепившись в руль и разглядывая здание.

«Кинкейд» было одним из самых старых общежитий университета Техаса и выглядело отвратительно. Пенни гадала, будет ли чувствоваться это уродство внутри. В восемь этажей, покрашенных поочередно в синий и лососево-розовый,

здание больше напоминало отель в Майами семидесятых, чем студенческое общежитие. Восемьдесят комнат визуального кошмара, самая безвкусная часть кампуса. Кислотные цвета напомнили Пенни пеструю форму с изображениями животных, которую носили врачи в детской онкологии. Позитивчик делал все депрессивным.

Толпы нервных родителей и первокурсников роились вокруг джипов, перетаскивая огромные пластиковые контейнеры, корзины для белья и торшеры. Когда Пенни опустила окно, чтобы оценить ситуацию, веснушчатая брюнетка сунула голову к ней в машину так, что они оказались нос к носу. Выпуклые глаза девушки горели желанием помочь, граничащим с угрозой.

- Фамилия? - зевнула девушка. От нее пахло чипсами.

- Ли, - сказала Пенни. - Пенелопа.

- Хм... Ли? - Девушка провела по списку на планшете и триумфально щелкнула по одной из строчек. - Вот она ты, милочка.

«Милочка? Брр». Да девице самой не больше девятнадцати.

Взгляд девушки задержался на красной помаде Пенни. Пенни обнаружила ее в кармане рюкзака вместе с запиской «Улыбайся чаще!». У Селесты была привычка засовывать косметику или вырезки об эффекте позитивного мышления в вещи Пенни. Внезапные подарки, которые выглядели как критика.

- Милочка? - пропела в ответ Пенни. - Можешь отойти немножко? Твое лицо практически у меня в машине! - Она постаралась как можно точнее передать интонации девушки, заканчивая все вопросом.

Маленькая «мисс техасские чипсы» не сможет своей «милочкой» заставить ее подчиняться.

Девушка быстро убрала голову.

- О господи, - чирикнула она, сверкая отбеленными зубами. - Родители - так те часто меня вообще не слышат! Я часами кричу! - Она снова посмотрела на

помаду Пенни. – Постой, я прямо запала на твою матовую помаду. Что это?

– Разве не фантастика? – восхитилась Пенни, потянувшись за тюбиком в сумку. – Too Thot to Trot, – прочитала она наклейку снизу. Господи, ей казалось, что зачитывание названий косметики вслух отбрасывает борьбу за права женщин на несколько десятилетий назад.

– Ой! Я так и знала! Обожаю наборы для губ от Staxx! Ты же знаешь, что T-T-T-T уже везде распродано, да? Почему хороший красный всегда разлетается?

– Ой, правда?! – воскликнула Пенни, не имея ни малейшего представления, о чем говорит. – Это ужасно!

Девушка театрально закатила глаза в знак согласия.

– Итак, ты в 4F, – сказала она, постукивая шеллаковыми ногтями по папке-планшету. – Лифты сзади. Выгружаться можно везде, где видишь синий знак. Но-о-о... – Она поставила на приборную доску фиолетовый ламинированный пропуск. – Это обеспечивает тебе парковку до конца дня. Просто верни его на ресепшен, когда закончишь.

– Спасибо! – бодро сказала Пенни. – Ты моя спасительница.

Девушка просияла.

– Я знаю!

Лицо Пенни болело от натужной улыбки. Поразительно, как зависимость Селесты от модной косметики и то, что какая-то дурочка запала на помаду, как звереныш на ферме, смогла обеспечить ее парковкой. Еще немного болтовни и хохот со шлепками по бедрам над древними шутками обеспечили Пенни тележку, одолженную у соседа по коридору. Правила дружелюбия жгли.

Вскоре Пенни – студентку колледжа будут обожать не меньше, чем Селесту. Правда, ей придется сделать лоботомию, чтобы соответствовать образу, но, может быть, оно того стоит.

Открыв дверь, Пенни сразу же отметила запах: освежитель воздуха с верхней нотой затхлого ковра. Сама комнатка оказалась обескураживающе маленькой для двоих. Кроме того, она уже не пустовала – на кровати у окна сидела темноволосая девушка. И это была не Джуд Лэнж, соседка Пенни по комнате. За лето Пенни и Джуд Лэнж дважды говорили по скайпу, а эта девица в солнцезащитных очках и широкополой шляпе точно не была Джуд. Она даже не удосужилась поднять глаза от экрана своего мобильного.

Пенни начала затаскивать в комнату свои вещи.

– Привет!

Девушка продолжала молча набирать текст. Пенни кашлянула, прочищая горло. Наконец незнакомка сняла свои очки, усыпанные стразами, и смерила Пенни взглядом. У нее были брови как у знаменитостей, и на ее замшевой коричневой жилетке болталась бахрома в фут длиной.

– Где Джуд? – спросила девушка так, словно Пенни тут работала.

– Э-э-э, я не знаю.

Девушка закатила глаза и вернулась к своему мобильному.

Пенни сверкнула глазами и снова пожалела, что ненавистью к людям нельзя их испепелять.

Возможные реакции на возможное вторжение незнакомки, которая может оказаться маньячкой и, возможно, прячет под шляпой выкидной нож:

1. Подраться с ней.
2. Закричать и выдернуть у себя клочок волос, чтобы показать, что ты еще более сумасшедшая и с тобой лучше не связываться.
3. Представиться и узнать больше.

4. Игнорировать ее.

Неудивительно, что Пенни выбрала путь наименьшего сопротивления. Она вынула из чемодана косметичку с туалетными принадлежностями и направилась напрямик в ванную. Ванная была размером с чулан. Можно было помыть голову, сесть на унитаз и наклонившись в душевую кабинку. Пенни положила косметичку на бачок, поняла, что так на нее может случайно плеснуть мочой при сливе, и переложила ее на край раковины.

Из другой сумки с припасами она вынула рулон туалетной бумаги, занавеску для душевой без микробов, подставку для зубной щетки, в которой не станет скапливаться вода на дне, новенький коврик для душа и полотенца. Пенни распределила все в точности как нужно. Туалетная бумага была повешена правильно (хвостом сверху, конечно; хвостом снизу вешают убийцы).

Закончив, она промаршировала обратно в комнату и перешла к третьему варианту.

– Я Пенелопа Ли. Можно просто Пенни, – сказала она, протягивая незнакомке руку.

Девушка встала и с недовольным видом рассматривала руку Пенни, пока та не была вынуждена ее опустить. Глаза Пенни находились на уровне груди девицы (поэтому первый вариант отпадал).

– Мэллори Слоан Киддер, – сказала она, не отрываясь от телефона. – Хотя я сейчас меняю имя на Мэллори Слоан. Профессионально.

У Мэллори были симметричные стрелки на глазах, полные бедра и острые металлические ногти. Пенни не знала, что значит «профессионально».

– Я актриса, – коротко сказала Мэллори Слоан (ранее известная как Киддер). Она снова села и скрестила ноги. Она вернулась к набору текста, ногти ее яростно отстукивали чечеточный ритм. – Я выступала в театре офф-офф-офф-Бродвей[б - Бродвей – обобщенное название группы крупных театров в Нью-Йорке. Офф-Бродвей – собирательное название театров меньше размером. Офф-офф-

Бродвей – контркультурные театральные площадки и постановки. Офф-офф-офф-Бродвей – что-то за их пределами.]

Пенни задумалась о юрисдикции театров офф-офф-офф-Бродвей. Вероятно, это не имело никакого отношения к настоящей улице Бродвей в Нью-Йорке. При достаточном воображении, добавлении приставок и дефисов театр на углу улиц Ист Сезар Чавес и Чикон тоже может сойти за офф-Бродвей.

– Э-э-э, круто, – сказала Пенни.

Мэллори подняла палец, сообщая, что нужно подождать.

– Я пишу Джуд, – сказала она, – твоей соседке по комнате.

– Здо?рово.

– Знаешь, мы с ней лучшие подруги. – Тук-тук, тук-тук-тук. – С шести лет.

Пенни закатила глаза – быстро, чтобы эта великанша не надрала ей задницу.

– Все в порядке?

Мэллори снова подняла палец. Пенни задумалась, какое усилие потребуется, чтобы сломать его в трех местах.

– Джуд хочет, чтобы мы с ней встретились в кофейне на Дрэг.

Должны быть правила о том, когда не стоит отправляться в новое место с незнакомкой. Откуда Пенни знать, может, ее новая соседка по комнате и эта раздражающая девица – «лучшие подруги» по форуму фетишистов, специализирующихся на том, что нарезают азиатских девочек на хот-доги. Все это так типично. Пенни всего десять минут провела в колледже и уже стала третьей лишней.

– Пойдем. – Мэллори принялась собирать вещи, а потом посмотрела на медлившую Пенни как на дуру. – Слушай, у них есть пончики.

Пенни подхватила рюкзак.

Возможно, Мэллори Слоан Киддер и была стервой, но довод она привела убедительный.

Сэм

Джуд улыбалась Сэму. Сэм улыбался Джуд. Улыбка Джуд была симпатичнее, чем улыбка Сэма.

Сэм помнил, как Джуд впервые улыбнулась ему. Это случилось в рождественский день десять лет назад. Открывая дверь, Сэм был раздражен. Мало того что его заставили надеть штаны, которые кололись и собирались в паху, так вдобавок мама, Брэнди Роуз, велела нацепить галстук.

– Надень галстук, – сказал она вот так просто. У нее в волосах были бигуди, и она пахла парфюмом, который таинственным образом появился в стеклянном флаконе-капельке на полке в ванной.

– Поторопись. – Мать шлепнула Сэма по руке, протискиваясь мимо него в смехотворно узком коридорчике.

Сэм проводил ее взглядом до кухни и попытался увидеть ее так, как видели мужчины: как женщину. Брэнди Роуз выглядела измученной. Лопнувшие сосуды вокруг носа она запудрила толстым слоем, и это ее старило.

– Какой еще галстук? – крикнул ей Сэм.

За все одиннадцать лет его существования никому и в голову не пришло купить ему галстук.

Фыркнув, мама выудила один из вороха отцовской одежды, собранной в сумки из «Уолгринс»[7 - «Уолгринс» – сеть супермаркетов.] в чулане в коридоре, и бросила ему. Галстук оказался зелено-бордовым, с музыкальными нотками внизу.

– Ты хоть знаешь, как его завязывать? – повысила голос мать, перекрикивая включенный пылесос.

– Разумеется, – прокричал Сэм в ответ.

Он нашел подходящий видеоролик в интернете.

Раньше мать Сэма проводила дни, когда не работала в отеле, в своей комнате, отгородившись от всего мира. Но несколько последних недель угрожающе отличались. Она целыми днями пекла, убиралась и покупала рождественские украшения, которые они не могли себе позволить. От ее нервной энергии Сэм насторожился, хотя его странно успокаивали разложенные на противнях калачи со сливами и абрикосами. Были и пряные звезды, по-немецки «зимстерн», от которых воздух пах корицей, напоминая Сэму о более счастливых днях. Например, о том Рождестве, которое они провели всей семьей, с дешевой пластиковой елкой и несколькими папиными пластинками, завернутыми в газету, для Сэма в подарок.

Они не праздновали ничего много лет, и он видел по раздражительности Брэнди Роуз и дрожанию ее рук, что она, по крайней мере, в кои-то веки трезва.

Открывая дверь, Сэм ослабил галстук. Брэнди Роуз мало разговаривала, и, не считая окрика по поводу галстука и инструкции выглядеть хорошо, Сэм не знал, что она запланировала. Он не ожидал гостей, тем более детей, особенно неулыбающейся светловолосой девочки семи лет в синем бархатном платье, с конским хвостиком на голове. У нее было такое же лошадиное лицо, как у строгого вида мужчины с русыми волосами, стоявшего рядом. Глаза у него были темные и холодные, как дыры; они принадлежали новому бойфренду Брэнди Роуз, мистеру Лэнжу. Он держал красный атласный мешочек, из которого высывалась бутылка шампанского. Его улыбка дрогнула лишь на мгновение, когда он увидел перед собой Сэма.

– С Рождеством, парень, – проревел мистер Лэнж.

– Здравьете, – отозвался Сэм.

Мистеру Лэнжу было всего шестьдесят девять. Так он представился Сэму, ухмыляясь и двигая бровями при упоминании «шестидесяти девяти», когда они

впервые встретились. Месяц назад он стал женихом Брэнди Роуз. За время пугающе короткого романа его матери с этим типом Сэм встречался с ним всего раз. Они ели стейки в Texas Land & Cattle, и этот гробовщик все время трогал его маму за коленку. Сэм гадал, похожа ли его рука на веточки и сухие листья, особенно учитывая жесткие белые волоски на костяшках.

– Она огонь, эта женщина, – говорил он Сэму, снова поглаживая его мать по бедру. Они встретились у стойки ресепшен в отеле «Марриотт», где Брэнди Роуз работала, а мистер Лэнж часто останавливался. – И старомодная. Не уделяла мне и минутки, пока не убедилась, что я – человек серьезный. – Он поднял ее руку, показывая Сэму изумрудную искру в форме капли на безымянном пальце. Ее камень. Брэнди Роуз захихикала – чужеродный, пустой звук, который поверг Сэма в ужас.

– Это Дрю, мой сын, – сказал мистер Лэнж, похлопав по плечу второго мужчину. – А это моя внучка Джуд.

Сэм безразлично кивнул.

– О! Боже мой, – выдохнула Брэнди Роуз, появляясь у него за спиной. Голос у нее звучал придушенно, выше, чем обычно. – Ты сказал, что заедешь за нами... – Она тоже явно не ожидала еще кого-то.

– Ты не Сэм, – прервала ее девочка.

Очевидно, они с матерью оказались в обществе трех поколений гениев. На мужчинах были костюмы. Сэм снова потянул себя за галстук.

– Это я виноват, – сказал Дрю, протягивая руку Брэнди Роуз, – я настоял.

Она пожала протянутую руку; Сэм инстинктивно шагнул вперед, закрывая мать от Дрю.

– У нас был рождественский обед в «Дрискилле», – пояснил Дрю, мимоходом подчеркнув, что Сэма с мамой не пригласили в роскошный ресторан при отеле. – И вы наверняка понимаете, что мысль о женитьбе отца на совершенно незнакомой женщине мне не очень нравилась. Я должен был узнать его новую

даму. – Он говорил дружелюбно, но за его словами скрывался намек: он подозревал Брэнди Роуз в корысти.

– О, – снова сказала Брэнди Роуз. Сэм поборол желание захлопнуть дверь.

– Ты слишком маленький, чтобы быть моим дядей, – прошептала Джуд.

Поразительно, как работает память. Сэм не мог вспомнить ни одной детали обеда на День благодарения два года назад или что он делал в прошлый Новый год, но помнил все о дне, когда они с Джуд встретились.

Девочка не затыкалась. Мистер Лэнж и Брэнди Роуз быстро прикончили шампанское, и Дрю отправил Джуд в комнату Сэма с тарелкой печенья, пока «взрослые разговаривают». Семья Джуд явно не жаловалась на нищету. В семь лет у девочки были собственные айпад и айфон, а также сумка «походных» игр. Как бы Сэм ни хотел ее не замечать, Джуд просто не замолкала.

– Ты умеешь играть в нарды?

Она высыпала фишки на кровать. Сэм в ответ включил музыку в дешевых наушниках погромче и повернулся к ней спиной, пока вопли не начались всерьез. В этом проблема домов-трейлеров: стены тонкие, как картон. Джуд шире раскрыла глаза.

Со вздохом Сэм воткнул своих наушники в уши Джуд, а их штекер – в ее айпад. Он показал ей несколько видео – тяжелую артиллерию: корги, переваливающегося с ноги на ногу по трамплину, и маленьких панд, топчущихся под нарезку танцевальной музыки. За ними последовала нарезка попугая, играющего лапами на пианино, а когда Джуд уткнулась в видеоинструкцию по приготовлению капкейков, похожих на вымоченные в кислоте джинсы, Сэм пошел проверить, как там мама.

Через приоткрытую дверь он видел Брэнди Роуз в одиночестве около раковины, с высоким стаканом апельсинового сока, в котором, скорее всего, было столько же водки. Мужчин было не видно, зато слышно.

Следующий час Сэм и Джуд смотрели видео. К вечеру Сэм понял, что взрослые приняли какое-то решение. Он надеялся, что свадьбу отменили, что импульсивное предложение мистера Лэнжа было результатом старческого маразма и его сынок-придурок на самом деле спас ситуацию.

Им не настолько повезло. Счастливая пара поженилась несколько недель спустя и провела пять медовых дней в круизе по Ривьере-Майя. Несмотря на веселую свадьбу и бесконечные клятвы, муж Брэнди Роуз так и не переселил их из трейлера и не провел ни единой ночи в ее постели.

Когда Лэнжам было пора уезжать, отец Джуд зашел за ней, достал бумажник, вынул из него четыре банкноты по двадцать долларов и бросил их на постель Сэма, ни разу не взглянув на мальчика. Дверь он закрыл без единого слова.

* * *

– Дядя Сэм! – воскликнула Джуд.

Пять лет кропотливой работы врачей-ортодонтотв исправили наиболее лошадиные черты ее лица.

– Привет, Джуд.

Увидев ее снова, Сэм почувствовал неловкость. Они пили кофе месяц назад, когда она приезжала в город на ориентацию, но в последующие недели Сэм ни секунды не верил, что она уедет из Калифорнии, чтобы учиться в шести кварталах от него.

Теперь она была ростом сто семьдесят семь сантиметров против двух метров (ладно, метра девяносто) Сэма; но если Сэм был тощим, то Джуд выросла крепкой. Она прямо пылала здоровьем с привкусом солнечного Западного побережья. Сэм не сомневался, что она может отжаться больше, чем он. Он испытывал странное инстинктивное желание ее защищать – так, ему представлялось, относятся друг к другу люди в нормальных семьях – и в то же время чувствовал неловкость оттого, что она будет жить поблизости.

– Ура! – воскликнула Джуд, сгребая его в объятия. – Это дядя Сэм!

Она стала звать его так в шквале сообщений, возвещающих о ее приезде. Джуд считала это до безумия смешным, поскольку Сэм не вполне соответствовал американскому стереотипу. И ее дядей тоже больше не был: изначально обреченный союз Брэнди Роуз и мистера Лэнжа продлился меньше двух лет. За месяц до второй годовщины мистер Лэнж сделал предложение двадцатипятилетней официантке. Непревзойденный кавалер.

Сэму нравилось крепкое объятие, в которое его заключили загорелые руки Джуд: оно приносило облегчение. Первый раз за несколько месяцев кто-то обнимал Сэма из простой симпатии, и его экс-племянница напоминала огромного золотистого ретривера, готового полюбить тебя с первого взгляда.

– Ты голодная? – спросил Сэм, высвобождаясь из ее объятий. – Как перелет? Как семья? Как тебе в роли первокурсницы? – Пауза. – Ты не возражаешь против всех этих вопросов?

Сэм неловко пригладил волосы и сделал глоток кофе, просто чтобы занять руки.

– Кофеин тот еще наркотик, – заметила Джуд, глядя на его кружку.

Сэм рассмеялся.

– Отвечая на первый вопрос: я умираю с голоду, – сказала девушка. – Перелет прошел нормально. Родители не могли решить, кто из них должен меня сюда везти, поэтому мы решили, что никто. Они разводятся.

– Жалко.

Сэм видел мать Джуд только однажды, загорелую и вышедшую к ужину в костюме для занятий йогой. А к отцу Джуд отношение Сэма так и не потеплело.

– Все нормально, – сказала Джуд с кривоватой улыбкой. – Они не были счастливы вместе. Кстати, они передают тебе привет.

– Это вряд ли.

Джуд рассмеялась.

– Мама передавала, – призналась она. – Но папа и вправду о тебе спрашивал. О том, собираешься ли ты возвращаться к учебе.

Сэм пожал плечами.

– Посмотрим.

Он собирался, только не в университете Техаса.

– Ладно. – Она схватила его за руку. – По крайней мере, он не будет меня навещать. Может, он и родился в Далласе, но все еще считает, что в Остине живут только наркоманы и хиппи с трастовыми фондами.

Сэм сухо усмехнулся.

– О, – продолжила Джуд, – и я не знаю, как это – быть первокурсницей, мне нравятся вопросы, и я первым делом пришла к тебе, чтобы сказать «привет». – Она одарила его еще одной улыбкой на триллион ватт и помахала перед его лицом рукой. – Приве-е-ет!

Она была абсолютно мультяшной.

– И тебе привет, – сказал Сэм и занялся блюдом с выпечкой. – Я сделал это для тебя.

– Ух ты, правда для меня?

– Пончики и слойки с вишней.

– Подожди, ты сам их испек?

Сэм кивнул.

– Боже, да я теперь все время буду тут торчать, – сказала Джуд. – Поверить не могу, что ты печешь.

– Ну, вообще-то они жареные. – Сэм задумался, что она имела в виду под «все время».

– Еще лучше. – Джуд выудила телефон. – Я скажу друзьям, чтобы ехали сюда.

Сэм кивнул.

Джуд хорошо это умела – делиться, иногда даже чересчур. Они поневоле сталкивались еще на нескольких семейных сборищах, и в конце концов он привык к ее бесконечным разговорам. Они стали его убежищем от ворчания взрослых, и даже после развода Джуд не позволила Сэму потерять ее из виду. А он пытался. Она помнила даты дней рождения и посылала смешные СМС на праздники с новостями о своей жизни, о которых Сэм не просил. Меж тем сам Сэм совершенно не помнил, когда день рождения у нее, после того как удалил все свои аккаунты из социальных сетей.

– Хочешь кофе или еще чего-нибудь? – спросил он.

– Кофе со льдом, пожалуйста.

– Молоко, сахар? – Вот еще одна деталь, которую он о ней не знал.

– Тонну того и другого, – отозвалась Джуд с сияющей улыбкой.

* * *

– При-иве-е-ет! – Высокая шатенка, одетая так, словно собиралась на фестиваль в пустыне, ворвалась в кафе; за ней следовала девушка, ужасно похожая на миниатюрную героиню из японского ужастика «Мечь».

– При-иве-е-ет! – взвизгнула Джуд в ответ, обнимая шатенку так, что звякнули подвески на ее рубашке.

– Подруга, ну наконец-то! – воскликнула девица.

Их длинные руки напомнили Сэму королевских крабов, сцепившихся в объятиях. Азиатка на секунду улыбнулась ему, потом передумала. Сэм отозвался гримасой.

Джуд выпустила подругу из загорелых рук и метнулась к невысокой девушке.

– Привет! – пропела она в волосы азиатки, практически приподнимая ее с земли. – Ура, Пенни приехала.

Девушка коротко похлопала Джуд по спине и беспомощно встретилась глазами с Сэмом.

– Познакомься, это моя лучшая подруга, Мэллори. А это моя соседка по комнате, Пенни.

– А ты, значит, дядя Сэм, – сказала шатенка, протягивая ему руку. У нее было крепкое рукопожатие, из тех, что быстро становятся соревнованием в силе. – Я Мэллори Слоан.

– Очень приятно, – отозвался Сэм, не выдавая реакции на силу пожатия. Она соблазнительно прикусила нижнюю губу. Сэм улыбнулся и быстро поздоровался с другой девушкой. Та помахала в воздухе слева от его уха.

– Дамы, что вам предложить?

– Можешь сделать мне «флэт уайт»? – спросила Мэллори. Солнцезащитные очки она так и не сняла.

Сэм ненавидел условности классификации замороженных кофейных напитков, поэтому выучил их все просто из вредности.

– Конечно, – отозвался он, засыпая в кофемолку нужную порцию кофе.

– Ты точно знаешь, что это такое? – с вызовом спросила девушка.

– Угу. Латте с измененной пропорцией молока к эспрессо. И с микропенной.

– Хорошая попытка, Мэл, – хихикнула Джуд.

– А что для тебя... Пенни, правильно? – Сэм проследил за взглядом Пенни к ее обуви, которая, как оказалось, была такой же, как на нем, только меньше. – Отличный вкус, – сказал он, кивая на ее ноги.

Рот Пенни округлился, но из него не вырвалось ни звука.

Лотерея по распределению людей в общежитиях создавала забавнейшие комбинации. Сосед Сэма по комнате на первом курсе, Кирил Мехта, каждый уик-энд ходил во сне и, не просыпаясь, мочился в угол их комнаты. Сэм надеялся, что эти две девицы, немая и сексапильная, смогут ужиться ради спокойствия Джуд.

– Дай угадаю, – сказал он Пенни. – Ты хочешь капучино без молока, только с пеной, сбрызнутый карамелью?

Пенни кашлянула и кивнула.

– И каков был шанс, что я угадаю? – протянул Сэм, уверенный, что на самом деле она хотела вовсе не этого.

Он разглядывал ее краем глаза. Спутанные волосы придавали ей черты безумства. Девушка выглядела как небрежный набросок графитовыми карандашами.

– Вообще-то, можно мне кофе со льдом? – подала она голос.

– Разумеется, можно, – отозвался Сэм с нажимом.

– Эй, дядя Сэм!

– Что?

Повернувшись, он увидел, что Мэллори уложила локти на стойку и наклонилась к нему так, что ее небольшая грудь почти подпирала подбородок. Под его взглядом Мэллори серебряным когтем сдвинула темные очки ниже. Похоже, на нее давненько не обращали внимания.

- Это правда, что ты печешь?

Сэм кивнул.

- Может быть, однажды испечешь что-нибудь для меня? - спросила она, с намеком склонив голову к плечу.

Сэм повторил ее наклон.

- Никаких «может быть», Мэллори, - сказал он. - Возьми что-нибудь с тарелки Джуд прямо сейчас, и получится, что я испек это для тебя. Хорошего дня.

- Ты смешной, - хихикнула Мэллори, дефилируя вслед за подругой.

Сэм покачал головой. Ни за что в жизни он не закрутит с первокурсницей, а уж тем более с подругой Джуд. Даже он не настолько идиот.

Пенни

Три девушки уселись на диван с цветочной обивкой в глубине кафе, Джуд - в центре. Поставив свой стакан на стол, Пенни заметила, что бедро Джуд почти вдвое длиннее, чем ее.

- Джуд сказала, что ты тоже единственный ребенок в семье, - обратилась Мэллори к Пенни.

- Ага.

– У меня две младших сестры, – продолжила Мэллори, прихлебывая кофе. – А Джуд ни разу в жизни не приходилось ничего ни с кем делить, включая комнату.

Джуд ткнула подругу в ребра и цапнула еще один пончик.

– Мэл пытается тонко намекнуть тебе, что я неряха. – Она откусила пончик и усыпала себя крошками, как бы в доказательство сказанного. – Слушай, я слишком занята тем, чтобы жить своей жизнью, где уж беспокоиться о такой скукоте, как уборка. И вообще, все знают, что гении неряшливы.

Мэллори было не так легко выбить из колеи.

– Просто я успела заметить, что ты очень организованная. Интересно посмотреть, что у вас получится. Я живу в «Твомбли», но буду часто бывать у вас.

«Ах, «Твомбли», обиталище богатеньких стерв». Пенни не понимала, почему Джуд не навещала Мэллори там. У них в подвале размещались студия пилатеса и кинотеатр, где показывали самые свежие фильмы.

Сэм подошел к ним, поставив на кофейный столик эспрессо.

– Можешь посидеть с нами подольше? – спросила его Джуд.

– Через минуту, – ответил он. – Я скоро вернусь.

Девочки проводили его взглядом.

– Вау, – сказала Пенни, осознав очевидное. – Не только ботинки... – прошептала она.

– Что? – громко спросила Мэллори. И Пенни придвинулась ближе.

– Мы с твоим дядей одинаково одеты.

Джуд и Мэллори изогнули шеи, вглядываясь. И правда – и на Пенни, и на Сэме были черные футболки с рукавом три четверти, черные джинсы-скинни с дырками на коленях, черные ремни с вороненой пряжкой и высокие черные «конверсы».

– О боже, – сказала Джуд. – Когда мы были детьми, он был таким скейтером. Я и не догадывалась, что он перешел на темную сторону.

Мэллори фыркнула.

– Помнишь, как в шестом классе ты носила цепочку для бумажника и огромные отвратительные брюки цвета хаки? – спросила она. – Господи, ты была одержима дядей Сэмом. Вот увидишь, теперь Джуд начнет носить траур.

Сэм собирал на поднос грязные кружки. У него торчала прядь волос, неровный завиток, выбивавшийся из очень крутой в остальном прически. Ему это, наверное, не понравилось бы. А Пенни обожала, когда так случалось: когда одна деталь восставала против полного комплекта. Ей хотелось прикоснуться к этой пряди. Пенни отвернулась, чтобы не заметили, как она пялится.

Мэллори откусила пончик.

– Фу, – сказала она, высунув язык, как ребенок, – ненавижу фисташки.

Она вынула кусок изо рта пальцами и положила сырую массу на стол.

Пенни молча вскрикнула.

– Тогда зачем брать пончик, по которому видно, что он с фисташками? – спросила Джуд. – В нем буквально видны кусочки фисташек. Мэл, он зеленый!

Джуд взяла отвратительную массу голыми руками и поискала, куда бы ее выкинуть.

Пенни внутренне закричала еще громче.

Резким движением она выхватила из рюкзака упаковку влажных салфеток и протянула одну салфетку Джуд, потом выдавила на руки антисептик, потому что мозг почистить не могла. Лучшие друзья – это понятно, но это... извращение. Кто трогает чужую полупрожеванную пищу? И кто, вообще, выплевывает на людях полупрожеванную пищу?

– Спасибо, – сказала Джуд, заворачивая кусок в салфетку. – Как пирог?

– Вкусно. – Пенни отдала ей остальное и взяла еще половину пончика, пока Мэллори все не испортила.

– Вот дерьмо, – выпрямилась Джуд. Большая красная капля начинки стекла на ее белую блузку.

Свободной рукой Пенни протянула ей еще одну влажную салфетку и пятновыводитель.

– Seriously? – Мэллори схватила сумку с вещами на все случаи жизни с колен Пенни, прежде чем та успела возразить. – Это как машина клоуна? Дальше ты достанешь лестницу и автобус «фольксваген»?

Пенни хотела спросить, зачем доставать автобус из машины, но задумалась над вопросом, не лежит ли в ее сумке что-нибудь позорное.

– Боже мой, ты как будто готовишься к апокалипсису, – протянула Мэллори, роясь в сумке. – Пластыри, бальзам для губ, тампоны... Я слышала о привычках молодых мамочек, но ты прямо как молодая бабушка. Дай угадаю: у тебя тут еще есть пакетики сахарозаменителя и скидочные купоны? Как мило.

– Очень мило, – повторила за ней Джуд, размазывая пятновыводитель по рубашке.

Пенни презирала слово «мило», оно все превращало в банальность.

Мэллори продолжила выкладывать на кофейный столик содержимое сумки Пенни, словно хирургические инструменты. Антисептический гель для рук, беруши, флешка, анальгетик, ватные палочки, шпильки для волос, швейный

набор, маленький карандаш из «Икеи»...

- О, и один презерватив. - Мэллори подняла квадратик фольги за уголок.

Это переполнило чашу терпения Пенни. Она выдернула презерватив и сумку из ее рук и начала сгребать свои вещи со стола.

- Мэл, - укорила подругу Джуд, помогая со сборами, - не будь стервой.

- Мне нельзя полюбопытствовать? - возразила Мэллори. - К тому же я говорю приятное. - Она откинулась на стуле с самодовольным видом и окинула Пенни взглядом. - Ты такая организованная. Наверняка ты гений в математике или что-то в этом духе. Готова поспорить, что ты из тех азиатских детей, что досрочно сдают экзамены за все десять классов. Признайся: тебе на самом деле двенадцать и ты на первом курсе?

Пенни сверкнула глазами.

- Ну же, мне ты можешь сказать.

Приемлемые варианты ответа на средней степени расистское словесное нападение и одновременно что-то вроде комплимента:

1. Изо всех сил отхлестать ее по лицу второй половиной пончика с фисташками.
2. Спокойно сказать ей, что ты гений и ведьма и что от твоих чар враги лысеют, особенно расисты.
3. Накричать на Джуд и запретить Мэллори появляться в их комнате. Дать пощечины всем.

- Ну что ты, Пенни, - сказала Мэллори через некоторое время, - я просто тебя поддразнивала.

- Знаешь что, - повернулась к ней Пенни, - я с тобой вежлива только из-за правил поведения. Ты не имеешь права быть стервой без причины и расисткой по отношению ко мне, тем более в такой ленивой и неизобретательной манере.

Она почувствовала знакомую щекотку влаги на глазах. Она редко плакала от грусти, но часто - от бешенства. Это был веселый и легкий способ проиграть в споре. Она сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

- Расисткой? - возмутилась Мэллори. - Кого это ты назвала расисткой? Это так оскорбительно...

- Господи, Мэл, - вмешалась Джуд, - прекрати.

- Меня много как можно назвать, - фыркнула Мэллори, - но я не расистка.

- Все расисты так говорят, - отрезала Пенни, закатив глаза так сильно, что увидела мозг.

Три девушки допили свой кофе. Пенни гадала, весь ли ее опыт пребывания в колледже окажется таким весельем. Все равно что в школе, только вдобавок все следует за тобой в спальню. Отлично.

Наконец Мэллори нарушила тишину.

- Мой парень купил новую машину.

В ответ - ни слова.

- Я тут пытаюсь сменить тему разговора, - подала голос Мэллори еще через некоторое время.

Пенни смягчилась.

- Какую машину?

- «Ниссан».

- Бойфренд Мэллори – Бенджамин Вестерли, – сказала Джуд многозначительно.

- Кто такой этот чертов Бенджамин Вестерли?

- Он большая шишка в Австралии, – ответила Мэллори.

- Я понятия не имею, что это значит, – заметила Пенни.

Джуд захихикала.

- Бен в музыкальной группе, – объяснила Мэллори. – Он известен примерно сотне тысяч людей, которые его совершенно боготворят. У него очень пылкая армия фанатов. Кроме того, ему двадцать один год. Австралия – ужасно прогрессивная страна. У них премьер-министр – женщина.

Для Пенни австралийцы, с одной стороны, выглядели как странные, поддельные британцы. С другой – она не знала ни одного австралийца лично. Хотя было что-то подозрительное в том, что остальная планета перешла к плацентарным млекопитающим, а австралийцы продолжали цепляться за сумчатых. Надо же, возможно, Пенни тоже была расисткой.

- Это круто, – сказала она с запозданием.

- Что я пропустил? – Сэм присоединился к ним, поставив еще один эспрессо рядом с предыдущим.

Пенни смерила взглядом две одинаковых кружки.

- Теплый, – пояснил он, наконец садясь в кресло рядом с ней. По мнению Пенни, это было идеальное описание температуры. Так слово «мякоть» идеально описывало губчатую внутренность в апельсинах.

Сэм потянулся рядом с ней, чтобы взять пакетик сахара.

- Извини.

Пенни задержала дыхание и отодвинулась, чтобы не дышать ему в щеку, как извращенка. Она заметила часть татуировки под закатанным рукавом футболки. Она изображала руку или пару рук. Это была одна из трех самых эротичных картин, которые она видела в жизни.

- Сэм, все очень вкусно, - промурлыкала Мэллори.

Кресло Сэма было немного выше, чем диван, на котором сидели девушки, и он изящно скрестил ноги. Его правое колено задело левое колено Пенни, и она едва не потеряла сознание. Ее взгляд задержался на крохотной чашке с эспрессо в худых руках Сэма, и у Пенни промелькнула мысль, не гей ли он. Но, вообще говоря, это не ее дело.

- Какие классы ты выбрала, Джей?

- Что, мы теперь зовем меня Джей? - спросила Джуд. Ей это обращение явно нравилось.

Сэм рассмеялся.

- Примеряю.

Он потер бицепс, и на другой его руке тоже обнаружилось тату, изображавшее какое-то животное. Пенни все еще чувствовала тепло в колене, там, где его случайно коснулась нога Сэма, и она зарделась. Интересно, что это за татуировка. Возможно, голова лошади. Может быть, шахматная фигура, черный конь.

Если бы она выбирала татуировку из шахматных фигур, это был бы слон. Они благоразумные и результативные и действуют неприметно. Мэллори и Джуд выбрали бы ферзей. И мать Пенни - тоже, если уж на то пошло.

Дядя Сэм.

Сэм мог бы играть в группе, восхитительной и мрачной группе.

Пенни считала, что сигареты бессмысленны и отвратительно пахнут, но могла представить, как Сэм курит и что выглядит при этом круто.

Боже, она смогла бы выкурить сигарету, если бы он это предложил. Они выглядели бы эффектной парой: в одинаковых нарядах, прислонившиеся к стене, с сигаретами, такие крутые.

Крутые, как глаукома и рак легких.

Пенни никогда в жизни не пробовала сигарет, и если бы они покурили вместе, то она наверняка зашла бы в приступе кашля, который длился бы целую вечность и закончился громким пуком.

Господи, Пенни, соберись.

Серьезно, что с ней такое происходит? И вообще, у нее есть парень. Пенни попыталась вызвать в памяти лицо Марка, но не продвинулась дальше общей линии его носа и волос. Марк, который в пятом классе обзавелся блондинистыми афрокосичками и всю зиму носил одну и ту же синюю флисовую куртку, не стирая ее.

Сэм был другим: ухоженным, задумчивым и угловатым – портретом работы Эгона Шиле. Если Пенни помнила правильно, Шиле был протезе Густава Климта и имел склонность рисовать себя обнаженным.

Обнаженным.

– Итак, – сказал Сэм, откидываясь в кресле и скрещивая руки. – На кого вы, девчонки, учитесь?

Шиле вряд ли говорил «девчонки».

– Теория массовых коммуникаций, – сказала Мэллори, взбивая волосы. – Я хочу стать актрисой.

– Маркетинг, – сказала Джуд, – наименее скучное направление, за которое папа готов платить...

Сэм вздернул подбородок, перенаправляя вопрос к Пенни. Пенни ненавидела этот вопрос. Ее ответ выглядел претенциозно.

– А ты где учился? – ушла она от ответа.

– На факультете кино, – сказал он.

– О, эта программа в университете Техаса прекрасная, – сказала она голосом на целую октаву выше обычного регистра. – Это ведь место, где появился мамблкор, учились братья Дупласс, Люк и Оуэн Уилсон, Уэс Андерсон... – она не могла остановить словесный поток.

– Уэс Андерсон учился на философском, – перебил ее Сэм. Она покраснела сильнее.

Убейте меня.

– Не знаю, откуда я это знаю, – обезоруживающе улыбнулся Сэм.

– А почему кино? – пискнула Пенни. Вообще-то она знала, что предметы, выбранные в колледже, не влияли на жизнь в реальном мире. Люди редко выбирали карьеру, соответствующую выбранному в колледже направлению, хотя это был хороший тест Роршаха на самоидентификацию. Все это говорило о том, каким ты себя видишь.

– Я хотел стать документалистом.

Пенни задумалась, почему он говорит в прошедшем времени.

– В мире происходит столько невероятных историй, прямо вокруг нас. Есть цитата из Хичкока... что в обычных фильмах режиссер – бог, а в документальных бог – режиссер. Мне всегда она нравилась.

Он поставил чашки из-под эспрессо одну в другую.

Пенни знала, что у нее из глаз летят смайлики-сердечки. Она была очарована. Никогда не слышала, чтобы кто-нибудь в ее возрасте разговаривал о работе, которой хочет заниматься. Хотя... Сэм не совсем ее возраста. Она проглотила остальные вопросы: не чувствовал ли он себя как призрак, который троллит живых, выкачивает идеи из их существования; не становится ли ему одиноко, когда он наблюдает за людьми, как Пенни.

– Боже, ты такой эмо, – заметила Мэллори, не отрываясь от экрана своего телефона.

Сэм хмыкнул.

– Все равно я бросил учебу. Не мог оплачивать.

– По-моему, колледж – это фикция, – пожала плечом Мэллори. – Я здесь за компанию с Джуд и чтобы моя мать заткнулась. Нам было бы лучше изобретать новое приложение или что-то подобное.

Все четверо посидели в молчании, размышляя о мрачной реальности.

– Только не изобретай приложение, которое изобретает приложения, – подала голос Пенни. – Рынок труда и без того в отвратительном состоянии, чтобы отбирать работу у роботов.

Сэм рассмеялся.

У него было презрительное выражение лица, когда он не смеялся. Пенни никогда в жизни ничего так не хотелось, как заставить его смеяться снова.

– Господи, сингулярность приложений – худшее, что я мог представить, – сказал он секунду спустя.

Пенни была в восторге: Сэм либо читал научную фантастику, либо имел о ней достаточное представление, чтобы знать, как называется ситуация, когда компьютеры становятся умнее людей и начинают их вытеснять.

– В социальных сетях начался бы хаос, – сказала она с улыбкой. – «Кто виртуал виртуала?»»

– Снятся ли телефонам на базе андроида электрические овцы?

Они оба застонали; но глупые «папашины шутки» с отсылками к Филиппу К. Дику были слабостью Пенни. Она обожала «папашины шутки». (Не нужно быть Фрейдом, чтобы понять, почему.) Из-за сексуальности Сэма смотреть ему в глаза было невыносимо, и у нее приятно покалывало щеки.

– Так вот, – нетерпеливо сказала Мэллори.

Пенни откашлялась.

Сэм хрустнул костяшками пальцев как-то привлекательно и как будто угрожающе. Когда руки были у него перед грудью, Пенни удалось разглядеть еще и намек на татуировки у него на шее. Французское слово для горла – gorge. И, господи, его так и хотелось описывать по-французски, цветисто.

Мэллори сказала что-то глупое об эмпатии и ценности человеческого духа. Пенни ее не слушала.

Сэм где-то нашел «идеальную футболку с идеальным воротником», который растягивался как раз достаточно для того, чтобы создавать соблазнительный эффект подглядывания.

Пенни подумала про Марка. Марка, который надевал на свидания футболки-поло и читал только книги по саморазвитию, продающиеся в аэропорту, от «7 привычек исключительно успешных людей» до «Кто переложил мой сыр?» и старой любимой «Четырехчасовой рабочей недели».

Славный Марк.

Простецкий Марк.

Марк, чьи звонки она сегодня уже дважды сбросила в голосовую почту.

Сэм рассеянно пригладил торчащую прядку волос, блеснув белой полоской кожи подмышки.

Даже подмышки у него были сексуальными.

- Хочешь поужинать с нами? - спросила его Джуд.

- Не могу, - сказал он и резко встал. - Работа.

Джуд кивнула с явным разочарованием.

- Может, в другой раз?

- Конечно, - рассеянно сказал он, удаляясь.

* * *

- Че-е-ерт, - прошептала Мэллори, оценивающе разглядывая Сэма.

«Че-е-ерт», - подумала Пенни.

- Я не знала, что дядя Сэм такой интеллектуал, - выдохнула Мэллори, театрально обмахиваясь рукой.

- Фу, перестань. - Джуд хлопнула подругу по ноге. - Это все-таки брат моего отца.

- Бывший сводный брат от другой жены на целых пять минут, - уточнила Мэллори. - И он не старый.

- Ему двадцать один.

- Двоюродные братья и сестры могут пожениться, - сказала Мэллори.

- Ух ты... - ответила Джуд, качая головой.

– Что? – воскликнула Мэллори. – Seriously, в чем проблема? Он сексуальный. Мрачный, но аппетитный. А ты, – она повернулась Пенни, – что это за неловкая чушь, а потом вдруг первоклассный флирт?

– Да, вы двое как будто поладили, – сказала Джуд. Две пары глаз изучали Пенни с новым интересом.

– Я просто веду себя прилично, – возразила Пенни и, обернувшись к Мэллори, добавила: – Я могу вести себя дружелюбно, если только незнакомые люди не роятся в моих личных вещах.

– Ха, – сказала Мэллори, – неважно. Какой у него типаж?

– Мэл, – одернула ее Джуд.

– Что? – невинно заморгала Мэллори.

– Мэллори, я запрещаю тебе западать на моего дядю.

– Запрещаешь? Но что если он западет на меня? Я нравлюсь дядюшкам.

– Перестань, – Джуд повернулась к подруге. – Я серьезно. Ты знаешь, что мне сейчас не нужна драма в семье. Я прибегаю к требованию нерушимой дружбы.

– В семье? – возразила Мэллори. – Я тебе примерно такая же родственница, как и Сэм.

– Ты знаешь правила. Требование нерушимой дружбы не обязано быть логичным, – сказала Джуд, безапелляционно взмахнув рукой. Ее губы сложились в твердую тонкую линию. Пенни знала это выражение. Оно появляется, когда ты так сердисься, что приходится все держать в себе, иначе расплачешься.

– Ого, – сказала Мэллори, – Джуд Луиза Лэнж, ты испытываешь сексуальные чувства к своему бывшему сводному дяде?

– Перестань! – прошипела в ответ Джуд.

- Это единственное объяснение, - возразила Мэллори.

- Фу, нет. Дело совсем не в этом... - Джуд допила остатки кофе. - Когда друзья встречаются с членами семьи, все оказывается неловко и сложно. Так что могла бы ты этого не делать?

- Ох, детка, - сказала Мэллори, обнимая наконец Джуд, - хорошо. Требование нерушимой дружбы. Нельзя винить девушку за то, что она хочет быть твоей лучшей подругой и твоей тетей.

Джуд рассмеялась.

Пенни изучающе рассматривала их. Либо Джуд действительно запала на Сэма и не признавалась, либо у нее в семье что-то действительно было не так. Иначе она не могла представить, чтобы Мэллори так легко отступилась. Пенни записала эту информацию в новой папке у себя в голове.

- Кроме того, по-моему, он тоже пережил нелегкое лето, - продолжила Джуд.

- Почему?

- Ну, подробностей он мне не рассказывал, а шпионить за ним большей частью бесполезно, но... - Джуд открыла инстаграм на телефоне и нашла пользователя с ником MzLolaXO, - смотрите... Кажется, у него проблемы с девушками.

Интересно, почему проблемы с девушками - это драма в отношениях у парня, а женские проблемы - это месячные.

- Ого-о, она супергоряча, - сказала Мэллори.

MzLolaXO была горяча.

Внешность Лолы была психологическим оружием. Она была красивой по научным и математическим стандартам. Она обладала привлекательностью того рода, которая заставляет деревенщин выдумывать цветистые эпитеты для описания женщин, типа «упойтельная» или «изысканная». Они почти всегда

называли таких женщин «создания» и определенно «дамы». Лола была высокой и худой, как те красивые люди, которые «забывают» поесть или только щиплют эстетически приятные кусочки еды: макароны Laduree или нарезанный киви.

Но дело было и в том, как она одевалась: небрежно – словно ее юбка из рваного денима была надета для того, чтобы защитить скромность ханжеской аудитории. Она пользовалась известностью в инстаграме, как случается с некоторыми девушками, словно они созданы для того, чтобы детонировать неуверенность во всех других женщинах без разбора. В целом она идеально подходила Сэму по стилю. Неудивительно, что Сэм отвертелся от приглашения Джуд поужинать. У него наверняка есть занятия получше, чем тусоваться с ними.

Джуд продолжала листать фото, демонстрируя пугающую карусель из Лолы, которая выглядела неизменно привлекательно.

– Но кто, вообще, снимает столько селфи? – сказала Мэллори, сморщив нос. – Кроме полных нарциссистов.

Пенни готова была поспорить, что у Мэллори селфи еще больше. Они полюбовались тем, как Лола тянется в коротком топе, обнажающем татуировки в виде ножей на ребрах.

– Видишь, – сказала Джуд, – Сэм здесь буквально на каждом пятом снимке отсюда... – она продолжила прокручивать вверх, – и вот досюда.

– Это много лет, – сказала впечатленная Мэллори.

– Я об этом и говорю, – сказала Джуд. – Он был в идеальных отношениях, а теперь – нет, и, честно, я разговаривала об этом с доктором Грин, и она считает, что он в депрессии.

– Доктор Грин – терапевт Джуд, – сказала Мэллори.

Если это на самом деле так, то депрессия Сэму шла.

– Так что не сбивай его с пути, Мэллори, – закончила Джуд. – Он очень уязвим.

Пенни подумала о том, какого типа девушкам нравятся уязвимые или непонятные парни. Такие особы обычно выходят замуж за серийных убийц, приговоренных к смертной казни.

- Ладно, - уступила Мэл. - И вообще, у меня есть парень.

- Спасибо, - сказала Джуд. - И ты, - она кивнула Пенни с широкой улыбкой, - пожалуйста, не встречайся с моим дядей.

- Пф-ф, - скривилась Мэллори.

Джуд протянула руку, убрала спутанную прядь волос Пенни ей за ухо и погладила по щеке.

Сэм

Осознание того, что твой единственный компьютер вот-вот сдохнет, притом что у тебя не хватает денег на его замену, можно описать только как ужас, ужас и кошмар - ужасмар.

Сэм нетерпеливо побарабанил по тачпаду и сильно стукнул. Колесо смерти никуда не делось.

Дерьмо.

Он спокойно закрыл покрытый наклейками ноутбук и некоторое время думал, не свернуться ли в комочек и безобразно прорыдать остаток дня.

Древняя машина - его верный скакун с начала старшей школы - уже не могла считаться ноутбуком, потому что, если ее не включить в розетку, она вырубалась. К тому же цвета на экране текли, так что было ощущение, что ты на галлюциногенах, на какой бы сайт ни зашел.

Но если компьютер просто встал столбом на сверхскоростном шоссе информации, его нужно вывести на задний двор и пристрелить.

Сэм глубоко вдохнул и сбивчиво досчитал до десяти.

По его подсчетам, денег у него в банке недостаточно, чтобы снять наличные. Банкомат не удостоит тебя реакцией, если у тебя нет как минимум двадцати баксов, а у Сэма только семнадцать, минус два бакса комиссии за снятие.

Эта ловушка-22 лишала всяких сил. Ему требовался ноутбук, чтобы пройти онлайн-курс по кино в муниципальном колледже Аламо, где он мог добрать то, что нельзя было узнать из руководств на YouTube: как распланировать кадр как у Роджера Дикинса, лучшего оператора в мире, или как делать освещение в стиле Гордона Уиллиса, работавшего над «Крестным отцом». Ладно, он понимал, что не узнает это все в курсе на шестнадцать недель, но заплатить 476 долларов за курс и доступ к приборам было дешевле, чем арендовать камеру и все сопутствующее на четыре месяца. Только теперь он не мог скачать видео из обязательной программы.

Сэм поджал пальцы правой ноги. Подошва его черной кроссовки лопнула там, где крепилась к ткани. Он вытащил из рюкзака черную изоленту, оторвал кусок и заклеил дыру. Клейкая изолента решала большинство проблем, кроме сгоревшей материнской платы. Может, он совсем перестанет выходить на улицу, будет топтать босиком из спальни в «Дом» и обратно – Сизиф на дистанционной форме обучения.

Он посмотрел на часы над дверью: 2.45. Дивный час затишья между обеденной толпой и кофеиновой заправкой в четыре. Единственный посетитель – невысокий парень с чрезмерно ухоженной острой бородкой, работавший на блестящем тринадцатидюймовом MacBook Air с портативной подставкой для ноутбука и дополнительной клавиатурой. Сэм на минуту задумался, не ограбить ли его. Хотя нет, наверное, ничего глупее, чем грабить там, где не только работаешь, но и живешь.

Он без энтузиазма полистал главную городскую альтернативную газету «Хроники Остина», оставленную кем-то на кофейном столике рядом. С тех пор как он въехал в этот дом, его мир стал крошечным. Он не знал, есть ли у него еще антитела, необходимые для того, чтобы выходить на улицу. Может, он

заразится какой-нибудь древней болезнью, считающейся искорененной: например, полиомиелитом или оспой. Люди еще болеют оспой? Ему стоит иногда читать книги. Разве не это делают люди во время выздоровления – заводят хобби? Господи, «выздоровление» – как драматично звучит.

Сейчас Сэму отчаянно хотелось пива. Черт, да он бы высосал полдюжины за секунду. Он вспомнил дрожжевой привкус Shiner Bock, любимого сорта его матери – первое пиво, которое он попробовал в шесть лет, а теперь прошло много месяцев с тех пор, как он подносил к губам холодную банку.

Вместо этого он отхлебнул большой глоток воды из стакана и принялся убираться в кафе. Ему нужно было что-то делать руками, пока мысли кипели. Сэм взбивал подушки, убирал со столов, протирал стойки, выкидывал газеты; открутил рукоятки с кофе-машины, со стуком вытряхнул фильтры и обдал все кипятком. Он почувствовал успокоение, когда после всего этого костяшки пальцев стали натянутыми и сухими.

Сэм представил, как его грубые пальцы сплетаются с пальцами Лоррейн, лгуньи Лоррейн, его бывшей. У нее красивые руки, «как у фотомодели» – говорили ее друзья. Тонкие длинные пальцы с узкими ногтями. Но Сэм боготворил ее ступни: с короткими пальцами, плоские – она неизменно их прятала, отказывалась носить сандалии летом, и поэтому они становились еще более желанными. Они были забавными и выразительными. Умные ступни, которые подбирали ручки с пола, когда считали, что никто не видит.

В остальном Лоррейн всегда оставалась для него излишне крутой, отстраненной, как черно-белое фото француженки. Сэм знал с первой секунды, как увидел ее, что должен пригласить ее на свидание. Должен.

Ему было семнадцать, а ей – девятнадцать. Она работала диджеем в крохотном клубе без вывески под названием «Бас-подвал»; на ней было белое шелковое платье-комбинация. Бледно-розовые волосы, выкрашенные в ультрамарин на кончиках, доходили до плеч. Толстые линии черной подводки окружали блестящие карие глаза. Она была совершенно сексуальной. Сексуальной... Сэм ненавидел это слово, как некоторые ненавидят слова «влажный» или «трусики», но никак иначе ее нельзя было описать. «Великая любовь его жизни» была просто сексуальной и пугающей.

Когда они встретились с Лоррейн, Сэм не был воплощением невинности. С одиннадцати лет он тусовался с разношерстным сборищем изгоев, которых бесконечно веселило то, что этот мальчишка может возвращаться домой когда вздумается и пьет столько же алкоголя, сколько и они. Дамы обожали острого на язык «малыша Сэма». Он был неизменным героем селфи с пьяными женщинами постарше.

Не было ни одного бара, куда он не смог бы попасть – он всех знал или знал его отец, а он был точной его копией – хотя, несмотря на свое раннее развитие, он никогда не влюблялся. До тех пор, пока не увидел Лоррейн на платформе, в неоновых зеленых наушниках. Она не обращала на него внимания. И тут Сэму, фигурально выражаясь, пришел конец. Как будто его ударили битой по голове.

Он ждал час, чтобы поговорить с ней, и еще один, а потом два.

В три часа ночи, когда зажглись огни, он кивнул и спросил:

– Ну, куда пойдём?

– Кушать, – ответила она, бросая ему свою сумку.

Они поехали в закусочную, где она уплела полную тарелку мигас[8 - Мигас – блюдо испанской кухни.]. Сэм заказал кофе, а когда они закончили есть и вышли на улицу, она внезапно бросилась ему в объятия, обвила его ногами и поцеловала. Сэм был в восторге от того, что это происходит, что за лето он вырос на три дюйма и мог ее поднять. Ее дыхание отдавало зеленым перцем и сигаретами, а ее уверенность сводила с ума. Его мать говорила, что не стоит жениться, если не захочешь с этим человеком разводиться, и теперь Сэм это понимал. Лоррейн была эмоциональным эквивалентом разрывной пули: выходное отверстие раны выглядело отвратительно.

Сэм пополнил запасы миндального молока, собрал всю выпечку на одну стойку и поменял тряпки для бара. Новые пахли хорошо, стерильной чистотой. Он подержал их под носом. Трезвость приносила постоянную легкую скуку. Удовольствие от простых повторяющихся задач служило главным развлечением весь день. Конечно, больше не было потрясающих, головокружительных всплесков – поездок по городу с самой загадочной и эмоционально токсичной женщиной, какую он встречал. Не было и сносящего голову секса, зато были

чистые тряпки для барной стойки. Он полюбовался на аккуратно сложенные хлопковые квадраты и переложил один так, чтобы синяя полоска шла ровно через всю стопку.

Именно в этот момент, словно для того, чтобы не позволять ему этой маленькой победы, Лгунья прислала СМС.

Позвони мне.

Дерьмо.

Когда у Сэма срабатывал рефлекс «беги или сражайся», у него потели ладони. При определенном освещении можно было буквально увидеть блеск влаги на них. Однажды он сделал замедленное видео.

Он испытывал одновременно боль и восторг оттого, что наконец получил от нее пару слов после долгого молчания. В последний раз они разговаривали двадцать семь дней назад. Еще один день – и он избавился бы от зависимости. По крайней мере, так говорилось в книгах по избавлению от наркотической зависимости. Он считал, что начал новую страницу в жизни. Даже начал бегать трусцой. Ну, если честно, то пару раз оббегал квартал в разбитых кедах. Но курил он теперь всего три сигареты в день, что для него было все равно что пробежать полумарафон.

Он вспомнил ее губы, прижатые к его губам, лимонный запах ее волос. Закрыв глаза и вспомнил их последнюю встречу и то плохое, что за ней последовало. Она ворвалась в его маленькую теперь жизнь и исчезла в грибовидном облаке разрушения. Еще раз.

После той последней встречи он отправил три сообщения, оставшихся без ответа, прежде чем унижения стало достаточно. Первое – потому что сказал себе, что он не такой парень, который спит с девушкой, а потом исчезает. А еще два – потому что его глупые мозги были изумлены и работали замедленно. А теперь – бум! – Лгунья на первой линии.

Вот так она и делала, как будто точно знала, в какой момент он может проснуться и не мечтать умереть, и не могла этого вынести.

Сэм уставился на сообщение.

Позвони мне.

Еще три часа работы до того, как он сможет погрузиться в свои мысли в темноте комнаты.

Что за чертовщина это «позвони мне»?

Только садисты оставляют такие сообщения.

Садисты и насильники. Она могла бы с тем же успехом написать: «Отгрызи себе руку».

Сэм знал, что в этой истории правда – за ним. Истории известно, что изменила она. Он – оскорбленный любовник, рогатый парень, униженный, жертва.

Вали куда подальше со своими «позвони мне»!

Но присутствовала и доля искушения.

Сэм вздохнул. Может, если бы он позвонил, Лоррейн сказала бы, где она похоронила его яйца и сердце.

Людям изменяют каждую секунду каждого дня по всему миру. Просто Сэм не мог поверить, что это случилось с ним и что ему изменила Лоррейн, его Лоррейн.

Боже.

Он запрятал обстоятельства их разрыва настолько глубоко, что они в значительной степени оказались стерты из памяти. Сэм оперся на стойку и

извлек файл, сохраненный 103 дня назад.

В то судьбоносное утро она сказала, что хочет пойти позавтракать тако[9 - Тако - блюдо мексиканской кухни.] перед работой. Не особенно хорошее заведение на улице Мэнор, где за соус «пико-де-гальо» требовали дополнительную плату.

Сэм размышлял, не слишком ли безвкусно заказать к яичнице пивной коктейль. Ему требовалось снять напряжение прошедшей ночи. Они с двойной силой налегали на мартини после недели ссор из-за денег и безумного рабочего расписания Лоррейн. И хотя оба знали, что выход в свет обречен, тем более что Сэм собирался заехать к своей маме, их это не волновало.

В то утро Лоррейн стянула волосы в пучок. Она выглядела восхитительно свежо, и Сэм был благодарен за то, что, как бы плохо ни шли дела дома, он мог рассчитывать на поддержку своей девушки. Он протянул руку под столом, чтобы погладить ее колено, когда подали чипсы. Он успел закинуть несколько штук в рот, а она начала рассказывать ему про какого-то парня с работы по имени Пол.

Это ничего не значило.

Хотя к этому давно шло.

Это случилось не единожды.

Сэм отреагировал на ее слова таким громким криком, что семья за столиком поблизости смерила его гневными взглядами.

Лоррейн сидела перед ним с каменным лицом.

- Ты его любишь?

- Ты меня любишь?

- Я что-то сделал не так?

- Что, блин, с тобой не так?

– Тебе понравилось?

– Больше, чем со мной?!

Она отказалась называть его фамилию или где он живет.

– Я его не люблю, – сказала она.

– Тогда почему? – недоумевал Сэм. Он рыдал. Безутешно.

Лоррейн, напротив, редко плакала и становилась холодной каждый раз, когда плакал он. Выражение ее лица затвердело, словно поток его эмоций лишил ее всякого желания что-то чувствовать.

Задним числом он порадовался, что они не пошли в хорошую тако-закусочную, потому что она была бы испорчена для него навсегда. Любое заведение, которое берет лишние семьдесят пять центов за соусы, может гореть в аду. Такой у него принцип.

– Вот поэтому, – прошептала она сквозь стиснутые зубы. – В этом и есть проблема. Почему у нас все всегда так? Кто-то в нервном срыве. Пол... он меня отвлекал. Мне нужно было отвлечься от этого. От нас.

– Нет, – сказал Сэм. Словно от этого действительность станет менее реальной. Он покачал головой; мозг все еще застыл на стадии отрицания страдания. – Нет, мы любим друг друга. Мы всегда будем любить друг друга. Ты – часть меня. – Он непонимающим, ищущим взглядом смотрел ей в лицо. Для него было безумием даже думать, что она – другой человек. Ее рука могла бы быть его рукой. То, что его рука могла обратиться против остального тела и уйти, казалось бессмысленным. Сэм почувствовал, как у него в груди что-то хрустнуло.

– Мы зависимы друг от друга, – сказала она. – Это не здорово. Пол скучный – что правда, то правда, – но в нем есть стабильность.

Стабильность. Сэм знал, что это такое. Стабильность значит богатство. Пол должен быть богатым, таким же богатым, как она, таким богатым, каким Сэм не был и никогда не будет. Сэм потянулся к ней – но в этот момент она встала,

поколебалась и вышла.

После того утра он переехал в «Дом», и они месяцами не разговаривали и не встречались снова. Сэм за этим следил. Он не ходил туда, где они бывали вместе, никому не говорил, где живет, и работал столько часов, сколько Эл ему мог дать. Но когда он забежал в «Уолгринс» за зубной пастой, она окликнула его из соседнего прохода. Сэм не мог поверить, как хорошо им все еще было вместе, когда они разговаривали на парковке. Они говорили ни о чем, и никто не вспоминал Пола. Когда она предложила заглянуть в «Полвос» и выпить по «маргарите», это показалось ему отличной идеей. После кувшина домашних «маргарит» идея пропутешествовать по дороге памяти прямо в ее квартиру показалась еще лучше. С тех пор Сэм не выпил ни капли. Двадцать семь дней. Каждый из них – подвиг.

Когда она снова исчезла, то в его телефоне стала «Лгуньей», и он попытался ее забыть.

Но от одного сообщения, от одного приказа у него в сердце укололо, как будто открылся крохотный портал. У нее была такая красивая кожа, особенно на ключицах. Господи, и ее локти. Он обожал обводить пальцами острые кости на любой части ее тела.

Нет, сказал он себе.

Он хотел бы перестроить собственный мозг. Почему он не мог контролировать, когда следует о ней думать? Почему он не мог контролировать, когда она вспоминает о нем?

Когда они расстались в первый раз, он смотрел «Вечное сияние чистого разума» и «Фанатик» снова и снова. Он перестал спать. Однажды утром Фин, почувствовав его потребность, обнял его. Они стояли так больше десяти минут, и Сэм плакал так сильно, что начал икать.

Нет уж, больше никогда.

Он стер сообщение.

* * *

Следующие два часа он убирался как одержимый. Джуд снова ему написала, и у Сэма чуть не случился сердечный приступ: он подумал, что это Лоррейн. Это было еще одно приглашение поужинать; но он снова отговорился работой. Он чувствовал себя одновременно и виноватым, и раздраженным. Подумывал сказать Джуд, что будет занят в обозримом будущем, но решил, что это того не стоит. У него болела поясница; Сэм гадал, могут ли посетители увидеть безумие в его глазах.

Когда смена закончилась, сил у него не осталось. Он подвел кассу и зевнул. С заднего двора было слышно, как Фин выносит мусор. Фин неизменно позволял двери закрываться с грохотом, что сводило Сэма с ума, но на этот раз он слишком устал, чтобы ругаться. Единственное хорошее в том, что он поднимался ни свет ни заря, то, что он закрывался в восемь и ложился в постель иногда уже в восемь пятнадцать. Даже если все, что он делал в этой постели, – моргал и не пил.

Несколько месяцев назад Эл установил непроницаемую систему безопасности, состоявшую из фальшивой камеры наблюдения над дверью и автоматических ворот, которые уже перестали работать автоматически. Сэм вышел на улицу, чтобы их закрыть. Для этого нужно было взяться обеими руками и использовать весь свой вес.

– Давай, вложи в дело душу, слабак! – крикнул Фин через плечо. Сэм засмеялся.

– В свою маму вложи! – сказал он. Фин с хохотом открыл банку пива.

«В свою маму»? Господи, как он устал.

В старшей школе Сэма называли СПИДом, потому что дети злые, а он был невероятно тощим. Он ненавидел свое тело с проступающими венами и сухими мышцами, движение которых под кожей можно было заметить во время работы. Однако потом девушки разглядели в нем что-то еще кроме худобы, и к тому времени он перестал обращать на нее внимание.

Но иногда ему все равно хотелось быть большим, здоровенным парнем, с мясистыми кулаками, который смог бы захлопнуть дурацкие ворота одним

движением.

– Сэм, – окликнул его голос откуда-то из теней.

Сэм подпрыгнул и издал высокий звук, о котором тут же пожалел.

Он сразу понял, кто это. И она наверняка слышала его жалкий, напуганный писк.

– Я тебе писала, – сказала Лоррейн. В ее голосе звучал кремень.

Сэм удивился, что Лоррейн-Лгунье понадобился всего один день для материализации. Терпением она не отличалась, но явиться к нему после того, как она исчезла, – это даже для нее было смело.

– Чего ты хочешь, Лоррейн? – огрызнулся Сэм.

– Нам надо поговорить.

Как оригинально, подумал он.

– Что еще обсуждать? – он закончил запирать кафе. – Если уж на то пошло, твое молчание в течение целого месяца показывает, что не осталось ничего.

Он пожалел, что не может незаметно понюхать подмышки, чтобы проверить, не плохо ли пахнет. Почему он всегда натыкался на нее, когда совершенно к этому не готов? Конечно, она была одета для работы, в блейзере. Лгунья была ужасна.

– Seriously, Лоррейн, – продолжил он. – Ты ясно дала понять, что наша история осталась в прошлом, в палеозойской эре, даже раньше. Что там было до палеозоя? Антропоцен... Нет, это сейчас... – Он засунул вспотевшие ладони в карманы.

– Помолчи, – сказала она.

Сэм нахмурился.

– Пожалуйста.

Лоррейн вышла на свет. Кожа ее лица выглядела намного бледнее обычного, а это и так был цвет рубах поэтов и макияжа го?тов.

Сэм прошел к ступенькам крыльца и сел. Она пристроилась рядом.

Они смотрели на улицу, а по небу разливался розовый закат.

– Что случилось?

Он потянулся за сигаретами, но передумал: не хотел курить у нее на глазах.

– Сэм, – сказала она, – у меня задержка.

Ничего себе шуточки, молниеносно сверкнула мысль, а потом на него обрушился полный вес ее слов.

Он сделал глубокий вдох и провел странно онемевшими пальцами по волосам. Конечно, у нее задержка. Все логично. На самом деле других новостей и быть не могло. В его жизни никогда ничего не происходило так, как он предполагал. Лоррейн, например, вернулась не потому, что долго разбиралась в себе и пришла к выводу, что все еще его любит.

Господи.

Задержка.

На этот раз они попали.

Жуткий выброс адреналина был настолько внезапен, что Сэм хлопнул в ладоши. Всего один раз. Включилось нечто рефлекторно-техасское, словно он только и умел, что вести себя как карикатура школьного футбольного тренера в критической ситуации.

– Ну ладно, – сказал он решительно. – Насколько большая?

Ясные глаза, чистое сердце.

- Я не знаю, - ответила она.

- Что? - крикнул Сэм. - Разве девушки не должны, как это там, записывать? - Сэм понимал, что женская репродуктивная система - это таинственная вселенная, но это было уже чересчур. Потом он вспомнил несовершеннолетних мам, которых показывали по телевизору, после того как они случайно родили ребенка в туалете.

- Ты сделала тест на беременность?

Лоррейн закатила глаза.

- Да, Сэм.

- И?

- Положительный.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

- Сколько раз?

- Четыре, - сказала она. - Нет, три.

Сэм, конечно, не был гинекологом, но ему казалось, что такого количества орошенных мочой полосок иррационально мало для того, чтобы мыслящий человек мог определиться, нагрянула нежелательная беременность или нет. Более того, он не мог поверить, что она не сделала тест по меньшей мере раз двадцать, и даже тогда Лоррейн все равно надо было бы пойти к врачу, сделать анализ крови и убедиться окончательно, положительно окончательно.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

– Ладно, – сказал он, положив руки ей на плечи, – надо сделать еще. Я тебя отвезу, прямо сейчас.

Он чуть не стукнул ее по спине в приступе нервного воодушевления.

– Сэм, ты меня пугаешь.

– Нет, не бойся! – вскрикнул он и широко улыбнулся, во весь рот. – Все будет хорошо. Тебе нужно пойти к доктору, к специалисту, чтобы не было никаких сомнений, для душевного спокойствия.

– К специалисту? – сказала она. – Ты сумасшедший?

Сэм вытер ладони о бедра.

– А твой обычный доктор? Разве ты не ходишь к какому-то крутому врачу?

– Я не могу пойти к доктору Уишему. – Она закатила глаза. – Он мой педиатр.

Почему она до сих пор ходит к педиатру?

– Почему ты до сих пор ходишь к педиатру? Неважно, – опомнился он. – Я за все заплачу.

Сэм задумался о том, сколько стоит донорство плазмы крови и сколько может сдать человек с легкой нехваткой веса, прежде чем свалится и умрет. Может, он сумеет пожертвовать большой палец ноги для науки.

Сэм прочистил горло, потер подбородок. В большинстве случаев они пользовались презервативами, большую часть времени.

– Я записалась в «Планирование семьи»[10 - «Планирование семьи» (Planned Parenthood) – крупнейшая сеть центров репродуктивного и сексуального здоровья в США.] на четверг, – сказала она.

Сегодня была пятница. До четверга оставалось еще много ночей.

– Я не могу пропустить работу, – пояснила она.

– Уверен, что они бы поняли, если...

– Не могу, – перебила она. – Это важно. В команде я единственный человек с низового уровня, и я организую производство в трех палатках. Нельзя переложить эту ответственность на случайного человека только потому, что я... «заволновалась». – Лоррейн закатила глаза. Сэма куда больше задевали все остальные ее слова, чем «заволновалась», но он прикусил язык. – Я же не в фастфуде работаю. – Она виновато покосилась на него. – Не обижайся.

Во-первых, управление авторской кофейней – это не фастфуд. Во-вторых...

– Ты работаешь в рекламе, – сказал он, – а не жизни спасаешь. Без обиды.

Черт, такт. Ему нужно взять себя в руки. Сэм сделал еще один глубокий вдох.

Лоррейн сверкнула глазами.

– Извини, – сказал он. – Я все еще перевариваю. На следующей неделе... Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

Он прикинул, как это организовать. Может быть, получится одолжить машину у Фина.

– Нет, – коротко отрезала она.

Наверное, ее повезет Пол. Каждый раз, когда Сэм думал про безликого богатенького Пола, у него в желудке собиралась ярость, прожигавшая язвы размером с горох.

– На сколько у тебя задержка?

– Недели на три.

Господи.

Три недели – это вечность в жизненном цикле задержек.

По крайней мере, так ему казалось, исходя из его скромных познаний о месячных.

Они постояли молча. Сэм достал сигареты. А потом представил, как кашляют розовые микроскопические детские легкие, и убрал пачку.

– Я хотела принять на следующее утро противозачаточную таблетку, – сказала она. – Но не приняла, и...

Сэм подумал о том, как они оба были неосторожны.

– Почему ты мне не сказала, что тревожишься?

У него сжалось в животе от чувства вины из-за того, что Лгунье пришлось проходить через все это одной.

– Я об этом думала.

– Ты ждала три недели, прежде чем мне написать.

– Я думала, что это просто небольшая задержка.

– Но теперь она уже невероятно большая, – закончил за нее Сэм.

– Я волнуюсь, – сказала Лоррейн, не глядя ему в глаза.

Ух ты. Она что, заплачет? Какими бы отвратительными ни были обстоятельства... неужели Сэм наконец увидит, как Лоррейн плачет?

– Что ж... – Сэм обнял ее, и она ему позволила это, отчего он почувствовал себя сильным и способным разделаться с любой проблемой. – Мы со всем разберемся.

– Как?

– Я буду с тобой. Я тебя поддержу. То есть... это же мой ребенок, да?

Она его оттолкнула. Сильно.

– Ты серьезно?

– Да господи, Лори, ребенок может быть и Пола! – Гнев поднялся у него внутри, раскаленный докрасна и праведный.

– Я не была с Полом с тех пор, как мы вместе! – крикнула она.

Сэм улыбнулся раньше, чем успел себя остановить.

Ха, вот тебе, Пол.

Потом он внимательно посмотрел на Лоррейн. Дерьмо, он опять терял голову, но все равно не мог не отметить, как она на него сердится и как глупо у него поднимается настроение из-за того, что он может ее настолько рассердить. Это были, пожалуй, самые идиотские обстоятельства, в которые можно было поместить ребенка, невинную пухлую личинку человека, оказавшуюся между двумя эгоистичными неудачниками. Сэм чувствовал, как пульсирует у него в груди тревога.

– Если ты беременна, – сказал он медленно, – что будешь делать?

Он подумал о слове на букву «А».

А-Б-О-Р-Т.

А БОРЩ.

БОРЩ.

Как свекольный суп с мягкими овощами.

Борщ, борщ, борщ.

– Не знаю, смогу ли я от него избавиться, – сказала она.

ИЗБАВИТЬСЯ.

Мозг Сэма зациклился на образе мерцающего красного света в глазу Терминатора в конце фильма, когда киборг отказывается умирать.

– Я не ребенок, Сэм, – сказала она. – Я не залетевшая пятнадцатилетка. Мне двадцать три. В этом возрасте уже нужно понимать, что делаешь. Моя мама родила меня в двадцать четыре... Я не могу.

Он уставился на нее. Просто впитывал ее взглядом. Светлые волосы. Маленькие руки. Голубая блузка. Черные брюки.

Что ж, честный ответ.

Такие вещи надо о себе знать. Но Сэм уже больше ничего не знал и не понимал.

Пенни

Когда Пенни училась в девятом классе, произошло два события, знаменательных для ее будущего. Во-первых, она прочитала графическую новеллу Арта Шпигельмана «Маус». Во-вторых, поняла, что не станет популярной, пока не вырастет, и это нормально, потому что жизнь – долгая игра.

За свою мудрость Пенни должна была благодарить вечеринку по случаю дня рождения Эмбер Фридман. Эмбер Фридман была в ее классе по французскому и славилась тем, что каждое утро вставала в пять сорок пять, чтобы распрямить свои кудри и немедленно завить снова, но в локоны другой формы. Все считали, что у нее небедная семья, потому что ее отец был журналистом и писал о музыке для журнала Rolling Stone. И хотя жизнь Пенни, дочери «горячей мамочки», была тяжела, но когда у твоего отца в инстаграме больше подписчиков, чем у бога, это тоже довольно кисло. Отец Эмбер отбрасывал длинную тень на ее жизнь. Не помогало и то, что его дочь не отличалась

красотой. Не то чтобы она выглядела уродиной. Просто у нее было одно из тех лиц, на которых все черты собраны в середине, словно чрезмерно большая комната с крохотной мебелью.

Ее характер тоже не улучшал дело. Эмбер обожала влезать в разговор и заканчивать предложения за людей – даже за учителей – и чихала с высоким звуком «тс-с-ст» по меньшей мере полдюжины раз. Пенни казалось, что это вызывает нежелательное внимание. В общем, Пенни не то чтобы официально пригласили на сборище. Мама Эмбер и мама Пенни приятельствовали после того, как много лет назад вместе ходили на уроки эфиопской кухни, а потом случайно встретились на рынке.

– Но, Пенни, Эмбер так расстроится, – сказала Селеста. – Я купила вам обеим новые наборы геля-лака от «Сефоры».

Тогда Пенни лучше велась на подкуп. Она доехала до дома Эмбер на велосипеде, рассчитывая, что там, во всяком случае, будут еда, торт и достаточно людей, чтобы незаметно смыться.

Когда она приехала и вошла в гостиную неухоженного одноэтажного дома, на нее уставилось шесть пар глаз. Пахло в гостиной так, словно кошачью мочу щедро залили средством для чистки ковров, и Пенни не могла отвязаться от мысли о том, что если ты чувствуешь этот запах, то потому, что вдыхаешь его частицы в себя. Она уговаривала себя не выдавать эти мысли выражением лица, здороваясь с Мелиссой и Кристи из их школы и с двумя девочками, которых Эмбер знала по храму. Большие серебристые воздушные шары, складывающиеся в имя «ЭМБЕР», болтались у потолка, кроме шара с буквой «Б», который висел в середине комнаты и норовил прилипнуть к волосам на затылке Эмбер.

В следующие два часа они делали персонализированные пиццы, которые выпекала в духовке мама Эмбер, и мороженое с фруктами и орехами на десерт. Когда были извлечены прозрачные пластиковые коробки с бусинами, которые предполагалось нанизывать на леску, чтобы сделать серьги, Пенни обнаружила, что у ее скуки есть предел. Извинившись, она ушла в ванную, внимательно прислушалась, есть ли в доме кто-то еще, и тихонько начала разведывать территорию. В комнате Эмбер обнаружилось целых пять черно-белых постеров с Одри Хэпберн, а на ее кровати с балдахинном лежал и вылизывался рыжий кот. Он оторвался от своего занятия и гневно посмотрел на Пенни, но решил, что ее вторжение не заслуживает внимания. Когда Пенни сунула нос в комнату, что, по

ее предположению, служила кабинетом отцу Эмбер, она наткнулась на золотую жилу. У Майка Фридмана, музыкального критика, были все комиксы на свете. Вообще все. Стопками. От «Человека-паука» и «Супермена» до больших томов сборников с блестящими твердыми обложками, размещенных по тематике.

Пенни не могла в это поверить. Всего в нескольких футах от сводящих с ума бессмысленных разговоров («разве не тупо, что одни говорят «ра?кушка», а другие – «раку?шка»») и пиццы с абсурдными добавками типа порезанного кубиками ананаса (тьфу) нашлись тысячи часов настоящих развлечений. У него было все: от «Болотной твари» до «“В” значит вендетта» и «Персеполиса», от We3 до «Беглецов».

Комната мистера Фридмана пахла новыми книгами: бумагой и лаком. Пройдя целую полку с милым пухленьким персонажем по имени Боун, Пенни нашла «Маус».

Пенни хотела прочитать «Маус» с тех пор, как узнала, что это первый комикс, который получил Пулитцеровскую премию. И когда выяснилось, что у мистера Фридмана есть две копии: в твердой обложке и в мягкой, – Пенни сделала то же, что сделал бы любой ребенок на ее месте. Она засунула комикс в мягкой обложке в джинсы сзади, прикрыла сверху толстовкой, притворилась, что у нее болит живот, и рванула домой.

Это был один из самых постыдных моментов в ее жизни. Не стоит и говорить про карму за то, что она, не еврейка, украла у евреев комикс про холокост.

Но эта книга изменила ее жизнь.

Пенни знала, что «Маус» на нее повлияет. Не то чтобы она собиралась начинать карьеру в криминале; скорее, она чувствовала, что ее предназначение – сделать что-то, что заставит других чувствовать себя так, как чувствовала себя она, читая этот комикс.

Пенни всем сердцем верила, что бывают моменты – критические мгновения, определяющие, кем станет человек. Есть подсказки или сигналы, и нельзя их пропускать.

Ее поразило то, что комикс о нарисованной мыши и котах может заставить ее так много узнать о Второй мировой войне. И не только узнать, но и прочувствовать. Она знала об «Аушвице» и о том, как там всем заключенным говорили, что ведут их в душ, а вместо этого отрезали и сбрасывали в кучу их волосы и отправляли людей в газовую камеру, даже детей. В прошлом году на уроке истории они сдавали тест по датам и важным событиям войны, и ее результат оказался почти идеальным. Однако только когда она прочитала «Маус» и прожила его глазами мышей, отца и сына, ей удалось увидеть больше, чем холодные факты. В ту ночь Пенни прочитала «Маус» два раза и плакала. Тогда она поняла, что должна стать писательницей.

Это стоило того, что произошло в школе в понедельник. На уроке французского Эмбер рассказала всем, что Пенни так внезапно уехала, потому что у нее случился понос. После этого Пенни исцелилась от всякого желания вести себя мило с кем-либо из школы. Может, она и была непопулярной, но и Эмбер – тоже. Если ты не суперпопулярна или не во втором ряду популярности, различиями можно пренебречь. Ты неудачница. Пенни отличало от Эмбер то, что отчаяние Эмбер мог учуять любой. Пенни решила перестать пытаться. Вместо этого она готовилась к своему будущему, зарывшись в книгах, пока не начнется увлекательная часть ее жизни. Тогда все будет иметь значение. Тогда все будет иначе.

* * *

Пенни хватило десяти минут, чтобы понять: занятия по написанию художественных произведений (по четвергам в восемь утра) станут ее любимым курсом. Стоит отметить, что класс был полон, несмотря на мучительное время начала. Уроки проходили в маленьком кабинете, не сравнимом с «американской историей» или обычным «английским 301», которые шли в просторных лекционных залах с сиденьями как на стадионе и экраном, свисающим с потолка, чтобы даже с галерки можно было видеть лицо преподавателя. В этом классе помещалось человек двадцать за высокими школьными партами, с прикрепленными к столу стульями.

Для профессора Джей-Эй Хэнсон была молода – всего-то двадцать восемь лет. В двадцать два она написала получивший признание критиков роман «Мессия», классический постапокалиптический сюжет, за который ей дали премию «Хьюго». То, что Джей-Эй – женщина, всем взорвало мозг. Критики и фансайты

были убеждены, что Джей-Эй Хэнсон – мужчина, особенно учитывая, что тогда нигде не было ее фотографий и никто не знал, как расшифровывается «Джей-Эй».

Пенни открыла для себя научную фантастику вскоре после того, как прочитала «Маус». Она начала сама писать короткие рассказы в качестве хобби, и хотя в ее школе был литературный журнал, Пенни и не думала что-то в нем публиковать.

Не помогло и то, что на уроках английской литературы для продвинутых в одиннадцатом классе они читали «Лотерею» Ширли Джексон – практически «Голодные игры», только написанные в сороковых и с неожиданным поворотом сюжета в финале.

Они всю неделю придумывали рассказы с непредсказуемыми концовками, и Пенни написала свой с точки зрения шестнадцатилетнего швейцарского мальчика в 2345 году, который проснулся, точно зная, когда он умрет. Мальчик обдумал, какими должны быть его последние поступки, и решил провести день точно так же, как провел бы в обычных обстоятельствах: играя в шахматы со своим лучшим другом Горди. Его больше всего радовали простые и надежные повседневные детали; неожиданный ход заключался в том, что он не умер, а просыпался каждое утро с одной и той же мыслью в сумасшедшем доме, где у него не оставалось иного выбора, как делать то, что запланировали для него врачи.

Пенни нравился ее рассказ, но мисс Лэнсинг поставила ей четыре с минусом, сказав, что «надеялась услышать больше об экзотической точке зрения Пенни». Пенни не могла поверить своим ушам. Как будто Цюрих в 2345 году недостаточно необычен. Она понимала, что имеет в виду учительница: она хотела чего-то азиатского – хотя Пенни родилась в Сегуине, штат Техас, в двадцати минутах езды от школы. Пенни поклялась не показывать свою работу никому, кроме тех, кого она действительно уважает.

На протяжении многих лет Пенни впитывала классику: «Первому игроку приготовиться», «Дюну», «Игру Эндера» – но только когда ей посоветовали «Мессию» (по иронии судьбы, это был самый ужасный парень в истории парней), она обнаружила, что научная фантастика необязательно должна быть такой... мальчишеской. Работа Джей-Эй была похожа на «Игру Эндера», но если Эндер был умным и его обманывали, потому что он ребенок, то героиня Джей-Эй, Скан, знала, чего сто?ит.

Женщина-протагонист делала историю скорее вдохновляющей, чем вуайеристской. Было невероятно увлекательно писать о том, кем ты могла бы быть. С тех пор истории Пенни строились вокруг женщин и девочек. Для этого даже не требовалось особых фокусов. Достаточно было писать так же, как про парня, только болевой порог выше, потому что девушкам больше приходится терпеть в этом мире, и ты им больше сочувствуешь, отчего все становится более рискованным. Кроме того, в научной фантастике ты сам задаешь правила в начале и можешь разнести все на мелкие кусочки, если только сделаешь это должным образом. То, что Пенни могла учиться у автора опубликованных книг, делало необходимость делить комнату в общежитии колледжа с другой девушкой терпимой.

Бесспорно, Джей-Эй Хэнсон обладала харизмой. Она была чернокожей, с вьющимися от природы волосами, выкрашенными в платиновый цвет и собранными в пышный пучок на макушке. И носила очки в массивной белой оправе. В ее исполнении образ задрота становился гламурным. И не так, как у девочек-позерок на Tumblr, которые играют в игры-стрелялки в трусиках, чтобы привлекать парней.

– Имеет ли право автор-китаец писать о линчевании рабов?

Для раннего утра это тяжелая тема; однако Джей-Эй задала вопрос классу как ни в чем не бывало, настолько, что Пенни засомневалась, правильно ли поняла ее. В классе возникла интимная, потрескивающая энергия, как будто они собрались за обеденным столом, на котором без лишних церемоний разожгли костер.

В душе Пенни была готова ответить – конечно, да. Но она не знала, готова ли об этом заявить, будучи азиаткой, в лицо чернокожей женщине.

Она покосилась через плечо, проверяя, не выскажется ли кто-нибудь.

– Разумеется, – сказал второй азиат в классе, парень. – И я читал об этом в «Таймс».

У него была прическа как у музыканта из бой-бэнда и явное британское произношение, в котором естественно звучали предложения типа «я читал об

этом в “Таймс”».

– Почему? – улыбка Джей-Эй стала шире, открывая больше зубов. Пенни это напомнило, как Шерлок Холмс объявлял: «Игра началась!».

– Ну, он не белый, – сказал парень. – Это помогает.

– Но так ли это? Разве в художественной литературе писатель не имеет права описывать кого хочет, независимо от своей идентичности? – спросила девочка неопределенной расы.

Пенни не помнила ни одного раза, когда у нее в классе случалось честное обсуждение расы.

– Что ж, и это тоже, – сказал китаец с британским акцентом. – Если только ты не паразитируешь на трагедии и не создаешь расистские карикатуры. Если ты... талантливый, все нормально.

– То есть если ты делаешь это умело и с благими намерениями, то можно? – спросила Джей-Эй.

– Говорить, что нельзя, – это рефлексорная политкорректность, – сказал другой парень, изобразив ироничные кавычки вокруг «политкорректности».

– Нет, это не политкорректность, – возразила рыжеволосая девушка. – Это как когда Кардашьяны плетут афрокосички. Нельзя красть модные элементы культуры и делать их гламурными, но в то же время не учитывать ужасные стороны, например, что полицейские могут тебя убить за нарушение ПДД.

Джей-Эй вроде бы была довольна направлением, которое принимала дискуссия. Она как будто оценивала их, отстраненно собирала впечатления о каждом, и Пенни жалела, что ничего не говорит.

– Послушайте, я ненавижу писать, – сказала Джей-Эй, когда начавшийся шум утих. – И я из тех писателей, которые ненавидят каждую минуту работы. Но не питайте иллюзий: вы можете себе позволить это делать. Особенно это касается художественной литературы. Я так об этом думаю. – Она села на свой

письменный стол и скрестила ноги в позе лотоса. – Если случится апокалипсис: зомби, взрыв солнца, что угодно – работа писателя будет в тысячу раз менее важной, чем работа инструктора по фитнесу на велотренажерах.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Холлистер» – бренд молодежной одежды.

2

«Желтая лихорадка» – шуточный термин, которым обозначают влечение людей европейской расы к азиатам.

3

«В погоне за антиквариатом» (Antiques Roadshow) – телепередача про оценку и продажу антикварных редкостей.

4

Донки Конг – персонаж видеоигры, горилла.

5

Братство – студенческая организация для молодых людей в колледже.

6

Бродвей – обобщенное название группы крупных театров в Нью-Йорке. Офф-Бродвей – собирательное название театров меньше размером. Офф-офф-Бродвей – контркультурные театральные площадки и постановки. Офф-офф-офф-Бродвей – что-то за их пределами.

7

«Уолгринс» – сеть супермаркетов.

8

Мигас – блюдо испанской кухни.

9

Тако – блюдо мексиканской кухни.

10

«Планирование семьи» (Planned Parenthood) – крупнейшая сеть центров репродуктивного и сексуального здоровья в США.

Купить: https://tellnovel.com/ru/choy_meri/ekstrennyy-nomer

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)